

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ИЗДАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барона **В. Р. Розена.**

ТОМЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

1897—1898.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ СЕМНАДЦАТИ ТАБЛИЦЪ И ТРЕХЪ ПОРТРЕТОВЪ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1899.

Мудрость Балавара ¹⁾.

Разсказывалъ намъ отецъ Исакъ, сынъ Софронія Палестинскаго, и книга эта — мудрость Балавара, который находился въ пустынь съ отшельниками ²⁾.

БЛАГОСЛОВИ, ОТЧЕ!

Однажды я достигъ [Эо]іопія, и тамъ, въ индійскомъ книгохранилищѣ, нашелъ эту книгу, въ которой описаны дѣла сего міра, весьма полезныя для души. — Въ Индіи, въ мѣстности, которая зовется Болатъ, жилъ нѣкій царь, и имя его — Іабенесъ ³⁾; онъ былъ язычникъ идолопоклонникъ, но человѣкъ кроткій, смиренный и очень милостивый къ нищимъ ⁴⁾. И не было у него сына; и печалила его бездѣтность, такъ

1) Переводъ сдѣланъ съ текста, изданнаго въ Тифлисѣ г. Е. Такай-швили (см. *საბაძე ბავარისა», თაყაიშვილის ბეჭედი, 1895 წ.*); переводъ по возможности близокъ къ тексту; незначительныя измѣненія, допущенныя при переводѣ, объясняются невозможностью дословно передать нѣкоторыя грузинскія выраженія; въ такихъ случаяхъ въ круглыхъ скобкахъ () помѣщенъ также дословный переводъ; а въ прямыхъ скобки [] внесены слова, не имѣющіяся въ грузин. текстѣ. Рукопись, лежащая въ основаніи изданія, относится къ 1779 г.; всѣ остальные (А, Е, Д, В, С) переписаны во второй половинѣ этого столѣтія; болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ изданіи см. Записки Вост. От. И. Р. Арх. Общ., т. X, стр. 211—213. В и Д представляютъ болѣе пространную редакцію, по существу новаго ничего не даютъ: большей частью ихъ разночтенія — многословное развитіе соответственныхъ мѣстъ основнаго текста.

2) Въ рукоп. Д и С «Мудрость Балавара, сказанная отцемъ Исаакомъ, сыномъ Софронія Палестинскаго».

3) Въ А и С — Абенесъ; для однообразія мы удерживаемъ всюду древнюю форму съ І въ началѣ.

4) Въ С это предлож. выпущено; въ Д В написано: «Былъ по вѣрѣ язычникъ и идолопоклонникъ, однако благоразуменъ».

какъ онъ былъ очень богатъ, и онъ хотѣлъ оставить наслѣдника надъ имуществомъ (досл. прибрѣтеннымъ). И молялъ онъ своихъ боговъ, чтобы они даровали ему способность производить дѣтей; но боги эти никакого блага не въ состояніи были ему оказать, и потому тщетна была мольба его къ нимъ; однако Богъ, который всѣмъ людямъ желаетъ спасенія, даровалъ ему сына благого и годнаго для служенія Богу, за тѣ милости, которыя онъ оказывалъ нищимъ.

И исполнился царь радости великой, и далъ сыну имя Іудасафъ, и сказалъ: «Это мнѣ сдѣлали боги мои», и еще больше величалъ ихъ.

И собралъ царь множество звѣздочетовъ, фидосовъ и астрономовъ, чтобы они сообщали, что предстоитъ его сыну. Всѣ они въ одинъ голосъ сказали, что младенецъ достигнетъ такой царской славы, какой не достигалъ никто, ни въ одной мѣстности Индіи. Но среди нихъ былъ одинъ мужъ, болѣе всѣхъ свѣдущій въ мудрости; онъ сказалъ царю: «Царь, я такъ думаю, что слава, которой достигнетъ этотъ младенецъ, — не мірская, ибо мнѣ кажется, что онъ будетъ великимъ вождемъ по пути истины».

Опечалился царь, услышавъ это, и отдалъ тогда приказъ объ удаленіи изъ предѣловъ страны своей рабовъ Христа. И послалъ глашатая возвѣстить: «Такъ говоритъ царь Іабенесъ — если только по прошествіи трехъ дней кто нибудь найдетъ христіанъ, да истребятъ ихъ въ страшныхъ мученіяхъ».

Однажды царь вышелъ обозрѣвать окрестности города и увидѣлъ, что двое благочестивыхъ выходятъ изъ города. И сказалъ онъ имъ: «Какъ вы смѣли не удалиться изъ моей страны, развѣ вы не слыхали, какъ объявлялъ мой глашатай? И они отвѣтили: «Вотъ, мы уходимъ». И сказалъ имъ: «Что же задержало васъ до сихъ поръ?»

И сказали они: «Неимѣніе дорожной провизіи».

Царь имъ сказалъ: «Кто боится смерти, тотъ изъ-за дорожныхъ припасовъ не будетъ опаздывать».

И сказали они: «Если бы мы боялись смерти, то мы поторопились бы уйти, ибо мы отъ смерти ожидаемъ успокоенія».

И царь сказалъ: «Какъ вы это говорите? Вотъ и теперь отъ страха передо мной вы уходите изъ моей страны, а это вы не отъ страха передъ смертию дѣлаете?»

И сказали они: «Не отъ страха передъ смертию мы уходимъ изъ твоей страны, но для того, чтобы мы не были соиспѣшниками твоего злодѣйства и виновниками твоего безбожія¹⁾; но страхъ передъ тобой никогда не проникалъ въ наши сердца».

1) Въ В. и Д. «Для того, чтобы мы не были для тебя причиной убійства и безбожія».

Онъ отпустилъ ихъ, но издалъ приказъ, чтобы всѣхъ христіанъ, сколько ни найдутъ, сжигали.

Но у царя Іабенеса былъ нѣкій мужъ, по имени Балаваръ; и былъ онъ благочестивъ, набоженъ и уповающій на Христа, и царь его очень любилъ, такъ какъ онъ былъ благоразуменъ, остороженъ и хорошо писалъ; онъ былъ выше всѣхъ приближенныхъ у царя; и не зналъ царь Іабенесъ, что онъ — рабъ Христа, и почиталъ его больше всѣхъ приближенныхъ.

Однажды этотъ Балаваръ, пдя, увидѣлъ, что на дорогѣ лежить чело-вѣкъ, искусанный звѣремъ: у него были оторваны части (досл. члены) ногъ и рукъ, и плакалъ тотъ чело-вѣкъ. И спросилъ его Балаваръ: «Отчего ты въ такомъ положеніи, чело-вѣкъ, и почему плачешь?»

Тотъ разсказалъ ему обо всемъ: «Я вамъ доложу слѣдующее: я слово-сшиватель¹⁾; звѣри меня искушали (досл. съѣли) и отняли члены, и если теперь кто-либо позаботится обо мнѣ, въ трудные дни я буду къ его услу-гамъ».

Балаваръ не обратилъ вниманія на его слова; но ему стало жаль его, и онъ приказалъ рабамъ посадить его на лошадь и отвезти больного къ себѣ домой. Балаваръ приказалъ²⁾ домоправителю присматривать за нимъ и утѣшать его.

[Спустя нѣкоторое время] идолопоклонники стали враждебно отно-ситься къ Балавару, такъ какъ они завидовали почету, который оказывалъ ему царь.

Они явились и доложили царю: «Царь, чело-вѣкъ, пользующійся тво-имъ довѣріемъ — не твоей вѣры: какъ только онъ встрѣтитъ христіанина, всегда милостиво его привѣтствуетъ; но теперь онъ хочетъ измѣнить тебѣ, и захватить твое царство; со всѣми измѣнниками Твоего Величества, кото-рыхъ онъ встрѣчаетъ, онъ старательно дружитъ и оказываетъ имъ почетъ».

И сказалъ царь имъ: «Если не такъ окажется, какъ вы говорите, плохо будетъ вамъ»³⁾.

И призвалъ царь чело-вѣка божьяго, и началъ испытывать его, и ска-залъ: «Тебѣ извѣстно, какъ разумъ мой погруженъ въ дѣла мірскія (досл. въ міръ), какъ провелъ я свои дни. Вижу, что я работаю безъ пользы и боюсь, какъ бы не пришелъ конецъ (жизни) и не остался бы я ни съ чѣмъ; такъ мнѣ теперь хочется присоединиться къ рабамъ божьимъ и трудиться для вѣчной жизни. Что скажешь ты мнѣ на это, мой преданный совѣтникъ?»

1) Д и В «Я чело-вѣкъ, [обладающій] искуснымъ словомъ».

2) А добавляетъ: «Когда привели»...

3) Д «Плохо будетъ вамъ, и я воздамъ вамъ возмездіе». В добав. — «Я испытаю его, и началъ испытывать».

Лишь только человекъ божій услышалъ эти слова, онъ воспринялъ духомъ, прослезился и сказалъ: «Живи, царь, во вѣки, такъ какъ вмѣсто преходящаго ты избралъ вѣчное и лучшее: величiе мiра сего — ничто; исчезнетъ оно, какъ призракъ, и разсѣется какъ дымъ. Теперь направь свои сердечныя помышленiя [на дѣло], такъ какъ хорошо, оставивъ преходящее, обрѣсть вѣчное житiе». Тяжко стало отъ этихъ словъ царю и исполнился онъ недовольства, но не открылся ему въ этомъ. Но Балаваръ догадался, что ему разставили сѣти, хотя не зналъ, каково это испытанiе. Онъ очень беспокоился: всю ночь ту провелъ въ бессонницѣ; но вспомнилъ онъ о словосшивателѣ ¹⁾, призвалъ его къ себѣ и сказалъ ему: «Ты сказывалъ мнѣ, что рану исцѣлишь словомъ».

И сказалъ ему тотъ мужъ: «Да, не нужно ли тебѣ чего-либо?»

Онъ сказалъ: «Въ продолженiе столькихъ лѣтъ я служилъ царю и нигдѣ не видѣлъ въ немъ недовольства мной, такъ какъ вѣрно служилъ я ему; сегодня я видѣлъ его и думается мнѣ, что не миръ въ его [душѣ]».

И сказалъ пострадавшiй: «Что произошло между тобою и ямъ?»

А онъ сказалъ: «Мнѣ ничего неизвѣстно, исключая того, что онъ объ одномъ дѣлѣ сказалъ, а я ему посоветовалъ наилучшее, но, кажется, онъ меня только испытывалъ, а я то ему все высказалъ».

И сказалъ пострадавшiй: «Съ помощью Христа и силой Креста я исправлю дѣло это (досл. исцѣлю эти слова); знай, — царь подозрѣваетъ тебя во злѣ, потому что онъ считаетъ тебя вѣроломнымъ и думаетъ, что ты [хочешь] завладѣть его царствомъ. Такъ завтра встань и остриги волосы на головѣ, раздери одежду твою, облачись въ трауръ и такъ войди къ царю; если онъ спроситъ, что это значить, ты скажи: «Къ чему ты призывалъ меня вчера, я готовъ [исполнить], ибо безъ тебя я не хочу жить: ты прiобщилъ меня ко всѣмъ благамъ царства твоего, нынѣ я обязанъ прiобщиться къ твоимъ земнымъ страданiямъ, чтобы вмѣстѣ съ тобой страдать и удостоиться вѣчности».

И поступилъ этотъ человекъ, какъ научилъ его пострадавшiй, и вышло подозрѣнiе изъ груди царя, и разгнѣвался онъ на доносчиковъ Балавара. Возрадовался Балаваръ и вновь отпустилъ волосы на головѣ. Но опять явилась зависть къ Балавару у тѣхъ начальниковъ, и сказали они царю: «Царь, если ты осмотришь шею ²⁾ Балавара, то увидишь крестъ, которому онъ поклоняется, боги же наши, по его мнѣнiю, достойны осмѣянiя. Царь думалъ, что они про Балавара говорятъ опять ложь, протянулъ руку и уви-

1) В и Д «Объ искусномъ въ словѣ».

2) В «Грудь».

дѣлъ на груди его золотой крестъ. И сказалъ царь: «Что это за заблужденіе, Балаваръ?»

Но Балаваръ сказалъ: «О, царь, я не заблуждаюсь, ибо съ младенческихъ лѣтъ я служу Христу и поклоняюсь кресту, на которомъ Онъ простеръ свои руки нашего ради спасенія; но и тебѣ служу, я не дѣлалъ упущеній; однако теперь, разъ открылось, что имя Господа Христа со мной, я не отвергну божественности Его; если же ты изрѣжешь мое тѣло, или сожжешь огнемъ, — душу мою предаю въ руки Его». Сказалъ ему царь: «Не говори этого, мой любезный Балаваръ, такъ какъ ты вельможа и первый человѣкъ у меня. Если ты поклонишься богамъ моимъ, я дамъ тебѣ и другіе города и всѣ сокровищницы опорожню для тебя, такъ какъ ты любимецъ мой; но если ты этого не сдѣлаешь, я истощу тѣло твое тяжкими муками и не вспомню про любовь твою». Тогда божій человѣкъ снялъ золотой поясъ, унизанный драгоценными каменьями, положилъ его предъ царемъ и сказалъ: «Хоть бы даже ты возложилъ на мою голову корону царства своего, и такой почестью не поколебать моей вѣры во Христа; если же ты мученіями истощишь тѣло мое, — этимъ не устрашить меня: блага небесныя, которыми мы наслаждаемся вѣчно, выше земныхъ; а муки ада, которымъ подвергнутся противники Бога и богоотступники, прегорьки. Я готовъ, царь, претерпѣть мученія, — не медли, дабы раньше предстать мнѣ предъ лицомъ Господа моего и тамъ упокоиться на вѣкъ».

Послѣ этихъ словъ царь сталъ мягче, и сказалъ: «Горе мнѣ, мой любезный Балаваръ, какъ ты лишилъ меня всякой надежды, — ты послушался повелѣнія! Такъ, иди изъ моего царства, чтобы не доносилось до слуха моего вѣстей о тебѣ, а если встрѣчу [тебя] еще [гдѣ-либо], то не повиненъ я въ крови твоей».

И оставилъ человѣкъ Божій переходящее величіе и пошелъ къ пустышкамъ служить Богу нашему Иисусу Христу.

Царь построилъ сыну своему городъ и приказалъ ему пребывать тамъ и не допускать оставаться въ немъ (городѣ) старикамъ. Приставилъ онъ вѣрныхъ слугъ, чтобы они прислуживали сыну, а въ воспитатели онъ далъ Зандана ¹⁾. И сказалъ онъ ему, чтобы стариковъ или больныхъ онъ не показывалъ ему, а о смерти и не заикался, такъ какъ ему хотѣлось взростить его въ веселіи и привольѣ, чтобы ничто не беспокоило его, ни старость, ни немощь, ни смерть. Когда изъ него вышелъ прекрасный отрокъ, то по достиженіи зрѣлаго возраста, отецъ старался, чтобы онъ не остался безъ необходимаго царямъ научнаго образованія.

1) Въ основной рукописи въ этомъ мѣстѣ «Зандаръ».

Юноша былъ крайне воспріимчивъ къ мудрости, способенъ къ учености и пытливъ во всѣхъ предметахъ и вопросахъ ума. Царь дивился дѣламъ юноши и предсказанію звѣздочета. Къ юношѣ онъ никого не допускалъ, а самъ часто навѣщалъ его, такъ онъ любилъ его; и никого не допускалъ къ нему, а юношѣ не позволялъ выходить за городъ. И началъ беспокоиться юноша и раздумывать по этому поводу, а потомъ сказалъ: «Отецъ старше меня, ему извѣстно, что для меня лучше». Когда онъ достигъ совершенства въ мудрости, онъ подумалъ про себя: «Я уже взрослый, почему бы мнѣ не избрать лучшаго и не выяснитъ, что означаетъ мое заключеніе?» Сказалъ: «Спросить отца о причинахъ заключенія, — онъ правды не скажетъ, какъ бы еще не повергнуть его въ тревогу». Онъ началъ почтительно обходиться со своимъ воспитателемъ, оказывалъ ему большія почести и обѣщалъ еще впредь; онъ сказалъ: «Если ты мнѣ сообщишь правду о томъ, что я тебя спрошу, большой почетъ обрѣтешь отъ меня при вступленіи моемъ на престолъ; если же ты скажешь неправду, то конецъ моей любви къ тебѣ». И онъ сообщилъ все, о чемъ [царевичъ] спросилъ, но [предварительно] сказалъ: «Если ты скроешь все, что я тебѣ расскажу, тогда я доложу тебѣ». Когда онъ взялъ съ него слово, онъ сказалъ: «Что же тебѣ нужно?»

А онъ сказалъ: «Что значитъ мое заключеніе въ городъ?»

Воспитатель въ отвѣтъ ¹⁾ сказалъ: «Я изложу это дѣло и дамъ тебѣ все понятъ: когда ты родился отецъ твой крайне возрадовался; онъ пригласилъ всѣхъ звѣздочетовъ и спросилъ ихъ о твоемъ рожденіи; всѣ они сообщали, что ты достигнешь великой славы, но ученѣйшій изъ всѣхъ сказалъ: «Царь, сынъ твой достигнетъ наивысшаго царскаго величія, и мнѣ кажется такъ, что онъ будетъ великимъ пастыремъ на пути истины ²⁾, противникомъ твоей вѣры, и проповѣдывать будетъ не тѣхъ боговъ, которымъ ты поклоняешься и служишь». Потому отецъ твой испугался, какъ бы ты не уклонился отъ воли его, не принялъ бы чужой вѣры самъ, не ввелъ сюда благочестивыхъ и не полюбилъ бы ихъ». И сказалъ юноша: «Что это за люди — благочестивые?»

А онъ отвѣтилъ: «Они такіе же люди, какъ и мы, но служатъ Богу небесному; а отецъ твой однихъ изъ нихъ замучилъ, другихъ — сжегъ, третьихъ удалилъ изъ своего владычества».

И сказалъ ему Іодасафъ: «И никого нѣтъ больше изъ нихъ въ нашей странѣ?»

¹⁾ Тутъ и во всѣхъ подобныхъ случаяхъ въ оригиналѣ имѣется — «Отвѣтилъ и сказалъ», но мы вездѣ переводимъ «Въ отвѣтъ сказалъ».

²⁾ Въ В и Д пропущены слѣдующія слова до слова «служишь».

А онъ сказалъ: «Нѣтъ никого».

Когда Занданъ все разъяснилъ юношѣ, онъ ничего больше не возражилъ ему, а, когда пришелъ его отецъ, сказалъ: «Я хочу узнать объ одномъ дѣлѣ, которое меня сильно мучитъ и беспокоитъ».

И сказалъ отецъ: «Спроси, дитя мое!» Онъ отвѣтилъ: «Отецъ мой и господинъ, почему меня заключили въ это мѣсто, и по какой причинѣ ты воспрещаешь входить людямъ ко мнѣ?» Онъ сказалъ: «Для того, сынъ мой, чтобы не было сердце твое озабочено, чтобы оградить тебя отъ всякихъ страданій». Юноша сказалъ: «Знай, что, поступивъ со мной такъ, ты всѣ мои удовольствія обратилъ въ горечь, такъ какъ я сильно желаю выйти за городъ (досл. за городскія стѣны). Вотъ и теперь умоляю тебя, отпусти [меня] и я осмотрю, — нигдѣ я не преступлю заповѣдей твоихъ». Опечалилось (досл. стѣснилось) сердце царя при этихъ словахъ, и подумалъ онъ про себя (досл. въ своемъ сердцѣ): «Если я воспротивлюсь его желанію, страданія его умножатся, и всѣ радости [его] я уничтожу».

И сказалъ онъ: «Сынъ мой, если только тебѣ хочется, садись верхомъ и поѣзжай съ людьми и будь по желанію своему».

И сообщилъ царь тѣмъ, которые сопровождали отрока, чтобы они шли впереди его и, если только встрѣтятъ людей старыхъ или одержимыхъ болѣзнію, уводили бы [ихъ] съ дороги, дабы онъ не видѣлъ судебъ человѣческихъ и не стало бы ему тяжело отъ этого скоропреходящаго міра. А они такъ и поступили.

Но разъ ѣхалъ этотъ юноша и увидѣлъ двухъ людей: одинъ былъ изуродованъ, другой удрученъ [чѣмъ-то]; его велъ другой человѣкъ; и испугался царевичъ и спросилъ о нихъ; и сказали ему: «Это — люди, но съ ними случился недугъ, какъ это случается и съ другими».

И сказалъ онъ: «Это случается со всѣми людьми?»

А они сказали: «Нѣтъ, съ нѣкоторыми, ибо съ одними случается, а другіе этого избѣгаютъ».

И поразился онъ въ разумѣ и возвратился домой, отягченный горемъ.

Потомъ, когда онъ вторично вышелъ, приближенные, шествовавшіе впереди, были невнимательны; на дорогѣ лежалъ изнуренный старецъ, волоса котораго были бѣлы, какъ шерсть; онъ былъ безъ зубовъ и говорилъ съ присвистомъ. И царевичъ, какъ проходилъ, замѣтилъ его и ужаснулся и сказалъ воспитателю Зандану: «Что это такое?»

А тотъ сказалъ: «Онъ тоже человѣкъ». Но онъ сказалъ: «Что же сдѣлало его такимъ?»

А онъ сказалъ ему: «Долгіе годы». И сказалъ онъ: «Что такое годъ?» Занданъ отвѣтилъ: «Двѣнадцать мѣсяцевъ».

— А что такое мѣсяць?

«Четыре недѣли».

— Во сколько лѣтъ становятся такими?

Отвѣтилъ: «Въ 80 лѣтъ, или 100».

А онъ былъ сообразителенъ и полонъ мудрости, высчиталъ мѣсяцы и годы и сказалъ: «Какъ я вижу, день быстро слѣдуетъ за днемъ, годъ за годомъ, и 100 лѣтъ скоро исполнятся, а что тогда-то предстоитъ этому человѣку?»

И сказалъ ему Занданъ:—«Послѣ этого смерть!»

И сказалъ Иодасяфъ: «А что такое смерть?» И Занданъ уже не могъ скрыть ничего и сказалъ:—«Исчезнетъ память о немъ на землѣ!»

И сказалъ онъ: «И съ моимъ отцемъ и съ тобой также будетъ?»

И сказалъ: «Да, такъ будетъ и съ тобой, и со всѣми людьми; это еще ничего, если они такого возраста достигнуть, но ты знай и то, что однихъ, какъ родятся, тотчасъ похищаетъ смерть, другихъ — лишь подростутъ немного, третьихъ, — когда возмужаютъ». И сказалъ онъ: «И мнѣ тоже предстоитъ смерть?»

— Да, не только тебѣ, но всѣмъ людямъ.

Тогда царевичъ пришелъ въ смятеніе, сердце его горько вскипѣло, и плакалъ онъ и говорилъ своему воспитателю Зандану:

«Нѣтъ ли страны, гдѣ не предстояла бы человѣку немощь, въ какой я видѣлъ передъ этимъ тѣхъ немощныхъ, а теперь этого старца? А все-таки смерть мнѣ показалась страшнѣе».

И опять билъ онъ себя въ грудь, плакалъ и приговаривалъ: «Скажи мнѣ, есть ли страна, въ которой я избавлюсь отъ болѣзни?»

Тогда расплакался и воспитатель Занданъ и сказалъ: «Нѣтъ такой страны, царевичъ, въ которой люди избавились бы отъ смерти».

И снова спросилъ онъ: «Во что обращаются люди по смерти?»

Сказалъ ему Занданъ: «Благочестивые говаривали, на небѣ-де Богъ, который создалъ небеса и землю, моря и бездны ¹⁾, солнце, луну и звѣзды; по Его велѣнію происходятъ землетрясенія, воздухъ и громъ ²⁾ и вѣтры; и человѣка-де Онъ создалъ изъ земли руками и вдунулъ въ него душу безсмертную. И если Ему кто либо будетъ служить, поступать по заповѣдямъ Его и поклоняться Ему, тому предстоитъ рай и царство небесное. Богъ возьметъ его послѣ смерти туда и упокоитъ. А философы твоего отца, одни считаютъ душу безсмертной, другіе смертной».

1) Д «Рѣки».

2) А добав. «Молніи».

Когда Занданъ пересталъ говорить, царевичъ повернулся и пошелъ домой. И размышлялъ онъ: «Нѣтъ, суетна жизнь въ этомъ мѣрѣ послѣ того, что я видѣлъ и слышалъ». Съ того момента онъ раздумывалъ, что ему сдѣлать; онъ уже ни во что не ставилъ радости земныя, и вмѣстѣ съ тѣмъ держалъ себя ласково передъ отцемъ: когда онъ приходилъ къ нему, онъ начиналъ ласкаться, а когда онъ удалялся, думалъ про себя: «Боже небесный, пошли мнѣ кого либо изъ рабовъ Твоихъ, да укажетъ онъ мнѣ путь истины, чтобы шелъ я по нему и исполнялъ заповѣди Твои». Тогда Балаваръ узналъ Святымъ Духомъ, что царевичъ желаетъ видѣть служителей Бога; всталъ онъ, отправился изъ пустыни, пришелъ въ мѣръ, переодѣлся въ платье купца, взялъ въ руки ларецъ и подошелъ ко двору царевича. И сказалъ онъ привратнику: «Войди и сообщи Зандану, что тебя-де ожидаетъ чужестранецъ издалека».

Привратникъ вошелъ и сообщилъ; воспитатель Занданъ вышелъ, и сказалъ ему Балаваръ: «У меня есть благородный камень; если угодно, возьми его для царевича: этотъ камень лучше красной ¹⁾ сѣры, ибо слѣпымъ онъ открываетъ глаза, глухимъ даруетъ слухъ, нѣмымъ — языкъ, немощнымъ — исцѣленіе, людей съ недостаткомъ обогащаетъ, даруетъ побѣду надъ врагами ²⁾ и исполняетъ всякое сердечное желаніе».

Занданъ отвѣтилъ: «Человѣкъ, я не вижу [въ этомъ] ничего безразсуднаго, но твои рѣчи чрезмѣрны; боюсь, чтобы благодаря тебѣ передъ царевичемъ я не оказался лжецомъ, покажи мнѣ теперь, я посмотрю и такъ доложу ему объ этомъ».

Сказалъ ему Балаваръ: «Никто не можетъ увидѣть его, если только онъ не обладаетъ двумя качествами: остротою (досл. осторожностью) зрѣнія и чистотой плоти ³⁾. Но если увидить его близорукій (досл. тяжело видящій) и грѣшникъ, — онъ лишится зрѣнія и сообразительности ума. Я врачъ и замѣчаю ⁴⁾ близорукость твою, боюсь, какъ бы у тебя не отнялось зрѣніе. Но я слышалъ о безпорочной жизни царевича; къ тому же онъ молодъ, зрѣніе у него острое, — вотъ онъ сможетъ видѣть его. Не колеблясь, скажи ему, ибо, если это дойдетъ до него, тебѣ будетъ оказанъ бѣльшій почетъ, чѣмъ твоимъ сотоварищамъ», — и онъ показалъ ларчикъ, который былъ у него.

Тогда воспитатель вошелъ къ царевичу и разсказалъ обо всемъ слышанномъ отъ Балавара.

1) А «Свѣтлой».

2) А и В добав. «Въ бою».

3) Въ В и Д — «Осторожностью глазъ, чтобы они ни на кого не смотрѣли взоромъ злобнымъ, и чистотой плоти, чтобы она еще не была осквернена; но если кто либо другой, грѣшникъ, увидитъ, — онъ лишится зрѣнія, слуха и сознанія».

4) Въ В и Д — «Въ глазѣ твоемъ тяжкій грѣхъ твой».

Между тѣмъ душа юноши жаждала видѣть такого человѣка, отъ котораго бы онъ услышалъ душеполезную бесѣду; и когда Занданъ разсказывалъ ему чудныя вещи про камень ¹⁾, онъ почувствовалъ въ душѣ, что нашелъ желаемое, и приказалъ ввести къ себѣ этого человѣка.

И когда Балаваръ вошелъ, онъ сталъ передъ царевичемъ и благословилъ его. Царевичъ съ своей стороны, какъ подобаетъ, освѣдомился о немъ съ почтеніемъ; потомъ онъ приказалъ воспитателю удалиться ²⁾, а Балавару — показать тотъ камень.

Балаваръ въ отвѣтъ сказалъ: «Мнѣ не слѣдуетъ причинить тебѣ что либо по неосторожности, ибо сокровище мое (досл. сосудъ мой) именно таково, какъ это тебѣ сообщилъ воспитатель: если его увидитъ слабоумный — онъ лишится зрѣнія. Вотъ теперь я хочу испытать тебя на словахъ, если ты будешь въ состояніи [выдержать испытаніе], я покажу тебѣ: для тебя именно, и не для кого другого, я и принесъ его; и я уповаю на Бога, что ты достигъ той мѣры [совершенства, которая необходима для того], чтобы видѣть его. Если Богу будетъ угодно, ты достигнешь, ибо, царевичъ, ты меня бѣднаго принялъ и заранѣе оказалъ ми съ чѣмъ несравнимый почегъ».

Царевичъ отвѣтилъ: «Я сдѣлалъ это потому, что мнѣ предстоитъ полезная бесѣда съ тобою».

Разсказъ первый.

И сказалъ Балаваръ: «Нѣтъ ничего удивительнаго, что ты со мной такъ обошелся, — ибо былъ нѣкогда царь добрый и ищущій истины. И когда онъ разъ шелъ по пути въ сопровожденіи громаднаго количества народа, увидѣлъ онъ какихъ-то людей съ блѣдно-желтоватымъ цвѣтомъ лица, одѣтыхъ въ негодныя платья, лохмотья. Но царь узналъ ихъ, поспѣшию слѣзъ съ коня и обнялъ ихъ. Когда вельможи увидѣли это, они [это] сочли за неразуміе, но сами не осмѣлялись что либо сказать; они подошли къ его брату, который былъ смѣлъ съ нимъ, и сказали: «Сообщи брату твоему, чтобы онъ больше не дѣлалъ этого, ибо онъ поклонился недостойнымъ людямъ». А тотъ подошелъ и сообщилъ объ этомъ [брату]; но царь не далъ отвѣта.

И былъ обычай въ его царствѣ: лишь только царь гнѣвался на кого-либо, онъ посылалъ рабовъ и [приказывалъ] предъ воротами того человѣка трубить въ рогъ смерти. И спустя нѣсколько дней онъ отправилъ рабовъ и сказалъ: «Подите, затрубите въ трубу смерти у воротъ брата моего».

1) В и Д «Про видъ того чужестранца».

2) В и Д «И вышелъ воспитатель, тогда онъ приказалъ».

И они отправились и сдѣлали такъ. И когда братъ царя услышалъ звукъ трубы, онъ испугался и началъ плакать и бить себя по головѣ; затѣмъ одѣлся въ саванъ и отправился съ женой и дѣтьми во дворецъ брата своего, посылая пепломъ свою голову.

Тогда царь приказалъ ввести ихъ, и плакали они, а царь сказалъ ему: «Какъ это тебя испугалъ глашатай брата твоего; развѣ ты не зналъ, что братъ твой и его глашатай—твари; что они не могутъ ни направить сколько нибудь волю Его, ни отвратить участи своей. Какъ же ты удивлялся, что я палъ ницъ передъ тѣми, которые были глашатаями Господа Нашего Иисуса Христа, которые напоминаютъ и возвѣщаютъ мнѣ о вѣчныхъ мукахъ; причемъ я самъ знаю множество прегрѣшеній моихъ передъ Нимъ. Но обличу же я дѣла тѣхъ, которые обвиняютъ меня передъ тобой, зачѣмъ-де оказываю я почетъ рабамъ Божьимъ!»

Однажды вошелъ онъ въ свое казнохранилище и вынесъ сундуки, украшенные золотомъ и алмазами; приказалъ принести изъ мусора вонючій калъ, кости трупныя и прочую отвратительную гниль; все это вложилъ въ сундуки, закупорилъ и запечаталъ; потребовалъ еще другіе деревянные сундуки, безобразно сколоченные и осмоленные. И вложилъ онъ въ нихъ драгоценные камни и все, что наплучшаго нашелъ въ своей казнѣ, а также много всякихъ благовонныхъ вещей; заперъ также и эти сундуки. И призвалъ онъ своихъ вельможъ; во время веселья онъ приказалъ казнохранителю принести сундуки. Внесли и поставили. Онъ приказалъ своимъ вельможамъ оцѣнить эти сундуки. Они не догадались и сказали царю: «Тѣ сундуки не стоятъ того, чтобы встрѣчались у васъ во дворцѣ, а этимъ вторымъ — нѣтъ цѣны».

Тогда царь приказалъ открыть дорого оцѣненные сундуки. Открыли, и поднялся такой страшный смрадъ, что все приложили руки къ лицу; и выкинули изъ нихъ всю мерзость; царь приказалъ открыть также мерзкіе сундуки, и понесся оттуда такой благовонный запахъ, что весь смрадъ заглохъ; и достали оттуда дорогіе наряды и каменья.

И сказалъ царь: «Выслушайте, все вельможи: красиво обдѣланные драгоценные сундуки—это мы, которые одѣваемся въ разноцвѣтные платья, тогда какъ душа наша внутри полна грѣховъ и смрада. А во имя Бога унизившіе себя, обнищавшіе и пожелтѣвшіе отъ постовъ и молитвъ, имѣютъ душу такъ же полную благовонія, какъ въ сундукахъ этихъ находится благовоніе; и передъ Богомъ они свѣтятъ подобно этимъ драгоценнымъ каменьямъ. Между тѣмъ вы меня обвиняете за привѣтствіе рабовъ Божьихъ, душа которыхъ внутри вотъ именно такова. И это, царевичъ, твое подобіе, такъ какъ ты оказалъ мнѣ почетъ изъ-за того довѣрія, которое ты

питаешь ко мнѣ». Тогда всталъ царевичъ съ сядѣнья и сказалъ: «Блаженъ я, такъ какъ достигъ предмета стремлений души моей, котораго я домогался».

И повернулся онъ къ Балавару и сказалъ: «Твое слово благо и истинно, и, кажется, это-то и есть тотъ драгоценный камень, который ты скрываешь, ибо оно укрѣпляетъ сердце, просвѣтляетъ очи и усиливаетъ разумъ. Если это такъ, какъ я думаю, дай мнѣ вмѣсто камня слово твое и совлечи печаль съ сердца моего».

Разсказъ второй.

Сказалъ ему Балаваръ: «Уста Божья глаголятъ въ притчахъ евангельскихъ, обращенныхъ къ народу: вышелъ сѣятель и началъ сѣять; иное упало по дорогѣ и птицы поклевали; иное на скалу, на которой не было земли, и возшло и засохло, такъ какъ корни не прикрѣпились; иное среди тернія, и возшло, и терніе заглушило его. Но иное упало на землю добрую, возшло и принесло плодъ обильный».

А сѣятель тотъ—податель мудрости, и сѣмена— слова истины. Иное упало на дорогѣ и птицы поклевали— это, когда уши что либо слышать, но оно отъ сердца ускользаетъ; иное упало на скалу, возшло и засохло— это тотъ, который одинъ моментъ послушаетъ, но потомъ это не утвердится въ мысляхъ его и засыхаетъ. То, что терніе заглушило зерно, — это то, какъ люди словамъ внимаютъ и лишь взойдетъ [зерно], страсти и занятія мірскія [его] заглушаютъ. Но то, которое возшло и дало обильный плодъ,— это то, что глазъ срываетъ, сердце собираетъ, разумъ направляетъ; оно низвергаетъ похоть, очищаетъ сердце отъ страстей и даетъ плодъ».

Сказалъ ему царевичъ: «Уповаю на Бога, что все тобой во мнѣ посѣянное возрастетъ добромъ и дастъ плодъ. Теперь разскажи мнѣ притчу о мірѣ, какъ онъ соблазняетъ людей».

Разсказъ третій.

Балаваръ сказалъ: «Міръ сей подобенъ человѣку, котораго преслѣдовалъ разъяренный слонъ; загналъ онъ его въ страшную яму; и увидѣлъ человѣкъ деревья, куда онъ и взлѣзъ; и еще увидѣлъ двухъ мышей— бѣлую и черную, которыя грызли корни того дерева, на которое взобрался человѣкъ; онъ посмотрѣлъ внизъ въ яму и увидѣлъ дракона, который раскрылъ пасть и желалъ проглотить его; взглянулъ паверхъ, — замѣтилъ немного меду, который вытекалъ изъ дерева. И началъ онъ лизать медъ и ужъ не вспомнилъ о той опасности, которой онъ подвергся. Но мыши [между тѣмъ] обгрызли дерево, и человѣкъ свалился, слонъ схватилъ и бросилъ его

дракону. Теперь, — слонъ, царевичъ, это образъ смерти, которая преслѣдуетъ сыновъ человѣческихъ; деревья — міръ, и мыши — дни и ночи; медь — сладости сего міра; вкушеніе мірскихъ [удовольствій] развлекаетъ человѣка; и исполняются дни и ночи, и смерть похищаетъ его; а въ аду его поглощаетъ драконъ, — и вотъ, такова жизнь людей.

И сказалъ царевичъ: «Ты оживилъ душу мою этимъ [разсказомъ], а теперь изобрази міръ и любящихъ его».

Разсказъ четвертый.

Балаваръ сказалъ: «Міръ сей подобенъ слѣдующему: человѣкъ нѣкій имѣлъ трехъ друзей. Одного изъ нихъ онъ любилъ больше другихъ, другого онъ также любилъ, но третій другъ былъ у него въ презрѣніи. Спустя нѣсколько дней того человѣка постигъ гнѣвъ царя; и собирались вести его судить; и зашелъ онъ къ своему возлюбленному другу и сказалъ: «Ты знаешь, дорогой мой, какъ я люблю тебя; вотъ меня поведутъ на судъ, помоги мнѣ въ этой бѣдѣ». И сказалъ онъ въ отвѣтъ: «Я теперь тебѣ не другъ, я и не знаю тебя; у меня другіе друзья, съ которыми я буду веселиться. Я дамъ тебѣ два платья, но и тѣ не пойдутъ тебѣ въ прокъ». И отправился онъ ко второму другу и сказалъ: «[Вспомни] ¹⁾ мою любовь, которую я питалъ къ тебѣ; вотъ ведутъ меня судить, помоги мнѣ въ моей бѣдѣ».

Онъ отвѣтилъ: «Не до тебя мнѣ сегодня, ибо достаточно мнѣ своей бѣды; иди ты своей дорогой, отнынѣ я уже тебѣ не другъ; но всетаки нѣсколько провожу тебя, а потомъ возвращусь ²⁾ заботиться о себѣ». И отправился онъ къ третьему другу, котораго онъ ненавидѣлъ, и сказалъ ему: «Мнѣ стыдно [передъ тобой], но я въ опасности, поэтому я пришелъ къ тебѣ, помоги мнѣ, хотя съ тобой я и нехорошо поступалъ».

Но тотъ съ радостью ³⁾ сказалъ: «Я другъ твой, который запомнилъ твое малое благодѣяніе, теперь съ лихвою воздамъ тебѣ: я пойду съ тобой, утѣшу тебя въ бѣдѣ и не предамъ тебя въ руки враговъ твоихъ». Тогда онъ началъ раскаяваться, и сказалъ: «Отчего я не тебѣ оказалъ все то добро, которое напрасно поразстратилъ на тѣхъ двухъ друзей?» Царевичъ сказалъ: «Разъясни и смыслъ этой притчи мнѣ, святой».

Сказалъ ему Балаваръ: «Первый другъ — это сребролюбие, на которое

1) Это слово ни въ нашемъ текстѣ, ни въ А не имѣется и внесено изъ С: «Вспомни любовь мою, которую я питалъ къ тебѣ»; В, Е, Д «Гдѣ любовь твоя ко мнѣ?»

2) В, Е и Д «Къ себѣ домой и больше не буду другомъ твоимъ».

3) В «Горячо».

люди очень падки; но онъ (человѣкъ) кромѣ двухъ одеждъ и савана¹⁾ ничего не возьметъ съ собой, когда его похититъ смерть и онъ предстанетъ на судъ; и второй другъ — это жена и дѣти, которыхъ онъ любитъ, и о которыхъ онъ всегда заботится, но въ день судный они ничѣмъ не помогутъ, проведя только до могилы, а потомъ начнутъ заботиться о себѣ. И третій другъ — своя (досл. собственная) душа; и не дѣлаетъ онъ (человѣкъ) ей добра; но кто сдѣлаетъ ей добро, велико сочтется ему передъ Богомъ, ибо во сто кратъ воздастъ ему Богъ».

Царевичъ сказалъ: «Я знаю, что ты по истинѣ исполняешь все то, чему учишь».

Разсказъ пятый.

Теперь разскажи мнѣ притчу, какъ искушаетъ міръ сей [людей] и какимъ средствомъ возможно избавиться отъ него²⁾.

Балаваръ сказалъ: «Я сообщу, какимъ способомъ можно [избавиться], — ибо существуетъ городъ, и таковъ обычай въ немъ, что чужеземца ставятъ царемъ на годъ или на полгода; и, когда годъ исполняется, срываютъ съ него порфиру царскую и отправляютъ въ ссылку съ двумя одѣлніями. Но разъ кого-то выбрали, и онъ узналъ недобрый [обычай] этого города; онъ приглашалъ чужеземцевъ, бѣдняковъ и давалъ имъ тайно сокровища, чтобы они понесли въ страну, въ которую его сошлютъ; когда этого человѣка сослали, и онъ прибылъ на мѣсто [изгнанія], все свое богатство засталъ онъ въ сохранномъ видѣ и обрѣлъ ростъ въ семь кратъ и радуется нынѣ и во вѣки».

Сказалъ царевичъ: «Разъясни и это». А онъ сказалъ: «Истинно — городъ тотъ — весь міръ, и люди владѣютъ имъ и царствуютъ, и знаютъ, что спустя нѣкоторое время имъ надлежитъ умереть, что ихъ предадутъ могилѣ въ двухъ одѣлніяхъ; и вся жизнь людская — одинъ день; смерть и преданіе землѣ — ссылка. Кто сообразителенъ, тотъ дастъ тайно бѣднякамъ, чужеземцамъ, неимущимъ, голоднымъ и нагимъ; и будетъ онъ творить милостыню спокойно и смиренно; но Господь, видящій сокровенное, воздастъ за милостыню явно благами тамъ, гдѣ ни воръ не похищаетъ, ни червь не точитъ; и тамъ онъ возрадуется во вѣки вѣковъ³⁾».

Юдасафъ сказалъ: «Развѣ моему отцу нигдѣ не приходилось слышать

1) Въ А и С «Двухъ одеждъ — савана и пезентъ».

2) Въ А, С и Е заглавіе «Разсказъ пятый» помѣщено послѣ этого предложенія.

3) В, Е, Д — «Аминь».

такія рѣчи? Ибо рѣчи эти, которыя ты мнѣ говоришь, просвѣтляютъ сердце мое, веселятъ мои мысли, и премного радуется моя душа».

Балаваръ сказалъ: «Нѣтъ, такъ подробно онъ не слышалъ».

Иодасафъ сказалъ: «Отчего же мудрецы не гудились надъ этимъ?»

Балаваръ сказалъ: «Потому, что знали объ его нерасположеніи воспринять [ученіе], и повременили разсказать, ибо они не находили удобнаго случая для разсказа и для того, чтобы онъ воспринялъ».

Разсказъ шестой.

Балаваръ сказалъ: «Эта притча о царствіи того, который управлялъ дѣлами мірскими. И былъ при немъ совѣтникъ его, человекъ добрый и вѣрный, далекій отъ всякаго злого дѣла. И совѣтовалъ все царю благое для людей; онъ былъ религіозенъ и благочестивъ; когда онъ видѣлъ, что царь поклонялся идоламъ, онъ очень возмущался и страдалъ, какъ страдаетъ всякій за своихъ дѣтей; и ему часто хотѣлось завести разговоръ при немъ о вѣрѣ; и онъ спросилъ своихъ друзей по этому поводу. А они отвѣтили: «Ты знаешь съ его душевнымъ настроеніемъ, — если найдешь удобный случай, скажи ему, но необходима и осторожность, такъ какъ неусыпнень діаволь: во злѣ какъ бы онъ не внушилъ ему страха къ тебѣ и не причинилъ тебѣ зла».

Сильно страдалъ тотъ мужъ за царя; и сказалъ царь ему въ одну ночь: «Пройдемся въ эту ночь по городу, дабы узрѣть дѣла людскія».

Пошли и на пути наткнулись на кучу мусора; посмотрѣлъ царь и замѣтилъ какой-то свѣтъ, [исходящій] оттуда, какъ бы отъ огня. Когда они приблизились, они замѣтили нѣчто въ родѣ пещеры, вырытое въ мусорѣ. Тамъ были мужчины и женщины, одѣтые въ лохмотья и поношенные одѣянія; и когда они смотрѣли ¹⁾, имъ послышались звуки пѣсенъ, и мужъ тотъ сѣлъ за трапезой на пометѣ, а женщина плясала передъ нимъ и восхваляла [его] такъ, какъ подобаетъ [величать] царей: она величала его царемъ, а онъ ее царицей, и радовались оба и наслаждались. Царь и совѣтникъ долго смотрѣли и наблюдали за ихъ дѣйствіями, и, изумленные, ушли. И сказалъ царь совѣтнику: «Намъ не такъ нравятся наша жизнь, какъ намъ убогость ихъ жизнь, и мы не такъ веселимся, какъ они; и думаю я такъ, что всѣ дни свои они живутъ въ такой радости».

Тогда совѣтникъ нашелъ удобный случай, чтобы высказаться, и ска-

1) А добав. «Царь и приближенные его».

залъ: «Не думай, царь, что величіе и царство, которыми мы наслаждаемся, считаются таковыми въ глазахъ тѣхъ, которые спасаются благочестіемъ; хоромы съ золотыми изваяніями, которыя мы воздвигаемъ для себя, великолѣпные вида и блескъ одеждъ, — нисколько не удивляютъ ихъ, такъ какъ они видятъ нерукотворные небесные храмы, ослѣпительныя одежды; и радуются они потому, что въ нихъ они наслаждаются на вѣки; это уготовилъ Господь возлюбившимъ Его».

И сказалъ царь: «Знаешь ли подобныхъ свѣдущихъ людей?»

А онъ сказалъ: «Истинно, есть люди, которые служатъ Богу, покинули все земное и возлюбили вѣчность, ибо испытали міръ и нашли все безполезнымъ и преходящимъ». Сказалъ царь: «А что такое вѣчное житіе? Развѣ съ нимъ не связаны горестъ и богатство?»

Сказалъ ему собесѣдникъ: «Царствіе вѣчное есть радость нескончаемая, съ которою ¹⁾ не связаны (досл. послѣдуетъ) богатство и печаль, съ которою не связаны нищета и радость, съ которою не связаны страданіе и здравіе, съ которою не связаны болѣзнь и царствованіе, съ которою не связаны кончина и [прощальное] «миръ [вамъ]», съ которою не связаны страхъ и спасеніе, которой не возмутитъ смерть, ибо тотъ міръ нетлѣнень; и все это получаютъ тѣ, которые возлюбили Его».

Царь сказалъ: «А есть кто либо достойный мѣста сего, или кто можетъ войти въ него?»

Совѣтникъ сказалъ: «Ни для кого изъ желающихъ не закрыта дверь».

Царь сказалъ: «Скажи мнѣ, какая туда дорога?»

Сказалъ ему: «Служеніе Богу Единому, который сотворилъ всякую тварь».

Сказалъ царь: «Что удерживало тебя до сихъ поръ отъ разсказа мнѣ объ этомъ пути?»

Совѣтникъ сказалъ: «Страхъ царскаго твоего величества».

Царь сказалъ: «Если это такъ [какъ ты говоришь], не должно быть небрежнымъ; примемся, ибо намъ нужно работать, чтобы достигнуть жизни невозмутимой!»

И сказалъ совѣтникъ: «Такъ ты теперь повелѣваешь мнѣ постоянно, время отъ времени, возвѣщать и докладывать?»

Сказалъ ему: «Не время отъ времени, но днемъ и ночью непрестанно да будетъ [продолжаться] поученіе твое».

1) В и С «Съ которой не связано страданіе, съ которой не связана нищета, съ которой не связана болѣзнь, съ которой не связана кончина».

Потомъ царь началъ служить Богу и удостоился войти въ то мѣсто, о которомъ говаривалъ ему совѣтникъ, и оба спаслись на вѣки.

Иодасафъ сказалъ Балавару: «Нѣтъ вовсе въ сердцѣ (досл. разумѣ) моемъ любви къ міру; напротивъ, я желаю вѣчнаго житія; и я нынѣ рѣшилъ жить съ тобой и переносить трудности жизни твоей».

Разсказъ седьмой.

Сказалъ Балаваръ: «Если ты поступишь такъ, ты уподобишься тому богачу, который породнился съ бѣднякомъ; мы слышали, что былъ нѣкій юноша, сынъ какого-то богача; и отецъ сосваталъ ему въ жены дочь вельможи, но онъ не захотѣлъ и бѣжалъ отъ своего отца. И во время своего путешествія онъ увидѣлъ дочь какого-то бѣдняка; въ отвратительной одеждѣ сидѣла она у порога своего дома, занималась рукодѣліемъ и благодарила Бога.

Сказалъ ей юноша: «Кто ты, женщина, или за какія блага ты благодаряшь Бога?»

А она сказала: «О, негодный незнакомецъ, развѣ ты не знаешь, что немного лекарства избавляетъ человѣка отъ тяжкихъ болѣзней; такъ и благодареніе за малое благо даруетъ большее [благо]. А я — дочь одной бѣдной старушки и жду милости Божьей».

Тогда позвалъ юноша старуху; она вышла, и юноша ей сказалъ: «Если хочешь, отдай мнѣ въ жены твою дочь».

Та сказала ему: «Дочери бѣдняка не подобаетъ быть твоей женой, ибо ты сынъ богачей».

Сказалъ ей юноша: «Такъ какъ я видѣлъ мудрость и благоразуміе дочери твоей, мнѣ пріятно имѣть ее женой; вотъ дочь богача была обручена со мной, но я не захотѣлъ ее взять а если ты согласишься, обрѣтешь меня, если Богу угодно».

И сказала ему старуха: «Тебѣ хочется взять мою дочь, а если отцу твоему не будетъ угодно?»

А онъ сказалъ: «Если [ему] не будетъ угодно, я здѣсь останусь!»

И юноша вошелъ въ домъ старухи, снялъ одежду и облачился въ платье бѣдняка. И стала старуха испытывать его; и испытала характеръ его и, когда нашла его разумнымъ и узнала, что любовь его не порождена похотью, взяла его за руку и ввела въ сокровищницы свои и показала свои прелестныя драгоценности, подобныхъ которымъ онъ не видалъ. И сказала: «Сынъ мой, все это — твое и отнынѣ радуйся», и исполнился юноша радости.

Сказалъ ему Іудасафъ: «Притча была про меня, если Господу угодно; а ты говоришь, что старуха испытала его, — какъ же ты хочешь испытать меня?»

Онъ сказалъ: «Бога бойся, и подчинися волѣ Его, и удались отъ воли міра, и тогда не погубить Богъ трудовъ твоихъ и не подвергнетъ тебя испытанію превыше силъ твоихъ. И буду я молить Господа Нашего Іисуса Христа, Творца неба и земли, Святую Троицу, Которой нѣтъ конца, страшную, благую, всемогущую, милостивую, невидимую, неизреченную и Господа, человеколюбиваго, всевѣдущаго, а не невѣдущаго, передъ Которымъ трепещутъ всѣ творенья, чтобы освятилъ Онъ тебя истиннымъ вождемъ добра, примѣромъ благочестія, достойнымъ быть пальцемъ указываемымъ, дающимъ зрѣніе слѣпымъ и слухъ глухимъ, любящимъ святыхъ и ненавидящимъ страсти, пока не доведетъ тебя съ нами до тѣхъ мѣстъ, которыя обѣщали намъ устами свв. пророковъ и апостоловъ и которыя мы, какъ мы надѣемся, удостоимся получить».

Отъ этихъ словъ возгорѣлось сердце Іудасафа и онъ началъ плакать, и потомъ сказалъ Балавару: «Сколько тебѣ лѣтъ?»

А онъ сказалъ: «Восемнадцать».

И сказалъ онъ: «Какъ же ты это говоришь мнѣ, когда ты старецъ, свыше шестидесяти лѣтъ?»

Балаваръ отвѣтилъ: «Со [дня] рожденія мнѣ 60 лѣтъ, но съ тѣхъ поръ, какъ я посвятилъ себя вполне Богу, 18 ¹⁾ лѣтъ, ибо раньше я былъ мертвымъ и 18 лѣтъ какъ я живу».

Іудасафъ сказалъ: «Какой же мертвый тотъ, который ѣстъ и пьетъ? И если прежнюю жизнь ты не считаешь жизнью, тогда и смерть предстоящую должно считать за ничто».

Балаваръ сказалъ: «А развѣ приходъ мой къ тебѣ не доказываетъ, что я жертвую собой, ибо я знаю злобу, [питаемую] отцемъ твоимъ ко мнѣ; и не боюсь я смерти, если только умру во служеніи Богу»; и онъ разсказалъ всю свою жизнь подробно, и по какой причинѣ удалился онъ въ пустыню.

Сказалъ Іудасафъ Балавару: «Скажи мнѣ притчу о мудрости, и почему у нашего народа такая мудрость (СД: столько твердости) въ любви къ идоламъ?»

Разсказъ восьмой.

А онъ сказалъ ²⁾: «Какой-то человекъ поймалъ соловья и началъ рѣзать его; но соловей сказалъ: «И для чего ты хочешь меня убить, вѣдь во мнѣ

1) Въ текстѣ, съ котораго сдѣланъ переводъ, написано «12 лѣтъ», во всѣхъ другихъ спискахъ: «18».

2) Въ В этихъ словъ лѣты.

нѣтъ ничего, чѣмъ бы наѣсться тебѣ; если ты отпустишь меня, я научу тебя тремъ заповѣдямъ; если соблюдешь ихъ, спасешься и благо тебѣ будетъ».

Онъ внялъ; и сказалъ [соловей]: «О недостижимомъ не старайся, въ прошломъ не раскаявайся и, какого зла не желаешь себѣ, не дѣлай и другому — и спасешься».

И онъ отпустилъ [соловья]. Соловей сѣлъ на высокыхъ вѣтвяхъ дерева, ибо хотѣлъ испытать этого человѣка, насколько онъ запомнилъ эти заповѣди, и закричалъ сверху: «Человѣкъ, если бы ты зналъ и зарѣзалъ меня, въ зобу моемъ находилось жемчужное зерно величій въ страусовое яйцо, и имъ ты приобрѣлъ бы большое сокровище».

Когда это услышалъ человѣкъ, онъ началъ раскаяваться; хотѣлось ему снова поймать и зарѣзать соловья.

Сказалъ онъ: «Такъ какъ ты научилъ меня заповѣдямъ, приди ко мнѣ домой, ибо зима суровая, а я хорошо позабочусь, и предоставлю тебѣ покой и отпущу, — больше у меня нѣтъ ничего, чтобы воздать тебѣ».

Сказалъ ему соловей: «Тщетно я училъ тебя заповѣдямъ, ибо всѣ три заповѣди ты сейчасъ же забылъ: во-первыхъ, освобожденіе мое — уже совершилось (соб. прошло), а ты теперь раскаяваешься; во-вторыхъ — поймать меня невозможно, а ты стараешься; въ третьихъ, ты себѣ не желаешь смерти, а меня хочешь зарѣзать. Тенерь я испыталъ тебя, какъ ты будешь соблюдать заповѣди; и какъ же ты вѣришь, что въ моемъ зобу находится величій въ страусовое яйцо жемчужное зерно, когда я съ перьями не составлю даже части страусоваго яйца?»

Итакъ, царевичъ, если ты неразумныхъ людей будешь учить, они не выучатся и преступятъ заповѣди Божьи, и будутъ доказывать свои измышленія, ибо руками своими сотворили идоловъ и поклоняются [имъ], какъ Боже-ству, и говорятъ: «Они избавители наши отъ зла»; и свое достоинствѣ тратятъ они на нихъ, ибо въ нихъ [этѣхъ идолахъ] поселились бѣсы, и въ нихъ вѣрятъ; и не догадываются, что единый Богъ, Отецъ и Вседержитель, Творецъ неба и земли, Господь нашъ Иисусъ Христосъ и Св. Духъ, Который отъ отца исходитъ; только Онъ Творецъ, а другіе — твари; только Онъ вѣвременно и другіе временны; только Онъ могучъ и всѣ безсильны; только Онъ высокъ, а всѣ низки; все черезъ Него начало быть и безъ Него ничего не начало быть, что начало быть, ибо Онъ благъ, милостивъ, великодушенъ и человеколюбецъ, и уготовилъ покорнымъ удовольствія, а непокорнымъ мученія. Онъ, прославленный въ трехъ лицахъ и въ единомъ естествѣ, сдѣлалъ тебя ищущимъ воли Его, чтобы ты спасся силой единосущной Троицы; если ты соблюдешь заповѣди Его, ты познаешь заповѣди Его, какъ слѣдуетъ».

Иодасафъ сказалъ: «Какое дѣло угодно Богу?»

Онъ отвѣтилъ: «Такова заповѣдь Божья: что пожелаешь самому себѣ, сдѣлай то ближнему твоему; чего себѣ не пожелаешь, не причиняй того и другому. Твори молитву и мольбу и днемъ и ночью, и да будетъ тебѣ крестъ Его на побѣду надъ врагами, ибо имъ (т. е. крестомъ) спасъ насъ [Господь] отъ смертныхъ страданій!»

Сказалъ Иодасафъ Балавару: «Соблюденіемъ заповѣдей достигаетъ-ли человѣкъ воли Божьей?»

Балаваръ сказалъ: «Во истину достигаетъ».

Иодасафъ сказалъ: «Если это такъ, то почему вы возненавидѣли блага, которые находятся въ этомъ мірѣ?»

Балаваръ сказалъ: «Два обстоятельства побуждаютъ насъ къ тому: во-первыхъ, наивысшія блага земныя не сравняются съ малыми радостями небесными, а если кто потрудится, то достигнетъ наивысшаго почета, — кромѣ того [на землѣ] зависти не мало между ближними, ибо не равны между собой платящіе подать и добровольно приносящіе подарки; съ другой стороны, чтобы мы, взявшись за данныя удовольствія, не погрузились въ беззаконныя дѣянія, что будетъ причиной гибели. Если же вы отдаляйтесь отъ него (сего міра), болѣе спокойствіе и миръ будетъ среди васъ. Если кто либо приблизитъ свои стада къ посявамъ, онъ не будетъ сердцемъ спокоенъ, такъ какъ если вздремнетъ, или будетъ невнимателенъ, скотина попортитъ совѣтъ [посявы], а когда отдалитъ [ее] отъ посява, онъ безмятежно уснетъ и отдохнетъ».

Иодасафъ сказалъ: «Все говоришь истинно, но скажи еще, дабы мнѣ еще больше ненавидѣть [міръ] и враждовать съ міромъ».

Балаваръ сказалъ: «Да будетъ тебѣ извѣстно то, что вражда съ міромъ примиряетъ [человѣка] съ Богомъ; ибо непродолжительна жизнь сія, и рано изсякнуть дни и ночи; теперь постараемся добровольно выйти изъ сего міра, такъ какъ поневолѣ прійдется намъ уйти; и, если даже продолжится жизнь наша, намъ все-таки предстоитъ смерть. Тогда все прибрѣтенное растеряется, и высокія хоромы запустѣютъ; и сдѣлается неизвѣстнымъ имя его (человѣка), исчезнетъ память о немъ и истощится тѣло его, ибо нагимъ унесутъ его тѣло и положить въ могилу, и ввергнуть въ темную пещеру и покинуть одиноко на чужбинѣ его въ нищетѣ, оставленнаго возненавидѣвшими [его друзьями]; оставятъ его на произволъ судьбы, и опротивѣетъ онъ всѣмъ: и супругѣ, и братьямъ, и дѣтямъ».

При этихъ [словахъ] Иодасафъ прослезился: «Слова твои пронзили мнѣ сердце, — теперь Расскажи мнѣ о спасеніи».

И сказалъ Балаваръ: «Я, царевичъ, очень любилъ сей міръ и былъ погру-

женъ въ удовольствіи его; а когда присмотрѣлся и увидѣлъ обращеніе въ прахъ (досл. въ мертвого) и узнать, что никто не остается въ ней (т. е. во вселенной), ни великій, ни малый, ни сильный, ни немощный, ни мудрый, ни безумецъ; и когда познать, что и мнѣ также предстоитъ уйти [изъ міра], какъ и они ушли, и преставиться, какъ и они преставились, такъ какъ я не величайшій между великими и не могущественнѣйшій между сильными, и то, что случилось съ ними, должно случиться и со мной, ибо всѣ мы уйдемъ и разсѣмся,—когда я все это познать, я поискалъ лучшаго для себя, и, хотя мнѣ показалось труднымъ, но я принудилъ себя воздержаться отъ похотей и надѣлъ узду на волю свою, чтобы она не увлекла меня и не ввергла въ волненія міра. И услышалъ я Слово Божіе изъ книгъ вышнихъ: «Я сотворилъ міръ сей и всякій образъ его преходящимъ; теперь возьмите дорожную провизію, такъ какъ пойдете въ чужую страну; бойтесь, ибо несомиѣнно уйдете отсюда, такъ какъ Я уготовилъ мѣсто вѣчное, въ которомъ два пристанища: одно мѣстопребываніе всякаго добра и радость несказанная для тѣхъ, которые возлюбили Меня и исполнили заповѣди Мои, и въ немъ они пребудутъ во вѣки;—второе мѣстопребываніе полно мученіями, печалью, стыдомъ, презрѣніемъ и преумноженнымъ гнѣвомъ, чтобы мститъ ненавидящимъ Меня». Но я, лишь услышалъ гласъ сей, понялъ, что справедливы слова Его; взялъ дорожную провизію, чтобы достигнуть мѣстопребыванія спокойствія, и бѣгу отъ страшнаго мѣста и [все-же] очень боюсь, ибо многочисленны грѣхи мои, впрочемъ еще болѣе многочисленны милости у Бога нашего».

Иодасафъ сказалъ: «Какъ можно войти въ то благое пристанище?»

Балаваръ сказалъ: Оставивъ міръ и всѣ мірскія заботы, ибо человѣку мудрому должно воспитывать самого себя, чтобы страхъ Божій вездѣ и всегда былъ въ памяти его, ибо говорятъ псалмопѣвецъ: «Начало мудрости страхъ Божій, но благо [будетъ] всѣмъ, которые сознаютъ это».

«И знай, что одинъ человѣкъ не удержитъ въ памяти (досл. соберетъ) всѣхъ ученій; или кто изъ людей въ состояніи всѣ кушанья и напитки, которые видѣлъ и восхотѣлъ въ сердцѣ своемъ, пріять сразу? Но онъ приметъ [пищу] по мѣрѣ возможности, понемногу. Но и то знай, что діаволь отнимаетъ разумъ у человѣка и говоритъ ему въ томъ случаѣ, если [человѣкъ] не позмѣняетъ Богу: «Постись сорокъ дней, будь въ траурѣ и цепломъ [посылай голову] и пребудь въ рыданіяхъ».

«На такіе трудные подвиги приглашаетъ онъ, чтобы или надобѣсть человѣку и поколебать [въ вѣрѣ], или же только внушить ему гордость и потомъ повергнуть на землю и причинить много страданій. Необходимо сдерживать себя въ границахъ и бояться Бога. Это запомни и усвой; воору-

жись крестомъ, и Богъ мѣра да будетъ съ тобой во всѣхъ дѣлахъ твоихъ, такъ какъ нѣтъ силы и средства, которыми бы мы воспротивились [ухищреніямъ врага], развѣ Господомъ Нашимъ Иисусомъ Христомъ мы низвергнемъ его».

Иодасафъ сказалъ: «Что доказываетъ намъ познаніе Бога?»

Балаваръ отвѣтилъ: «Небеса и земля, все, что находится на ней,—одушевленные предметы. Ибо, если увидишь какой-либо дѣланный сосудъ, хотя бы ты и не видѣлъ мастера, все-таки повѣришь, что у этого предмета имѣется творецъ; такъ и при постройкѣ, если даже не увидишь ты строителя, все-таки разумъ свидѣтельствуешь, что строитель ея существуетъ. А я, лишь только узрѣлъ себя и позналъ свое строеніе, узналъ, что у меня есть Творецъ; Онъ сотворилъ меня, какъ Онъ хотѣлъ, и далъ мнѣ образъ, не спросивши меня; если бы я былъ творцомъ самого себя, я одарилъ бы себя болѣею красотою и ростомъ. Но Тотъ, Который сотворилъ меня, создалъ меня хуже однихъ и лучше другихъ; но я позналъ и то, что Онъ выведетъ меня изъ жизни сей, не спросивши меня,—и когда я позналъ и понялъ обстоятельства жизни нашей, что мы нѣсколько не можемъ увеличить, или сократить возраста (или: роста), ни обновить устарѣлаго, ни приставить снова члена, если какой-либо отпадетъ, и это не смогли сдѣлать ни цари своимъ царскимъ [могуществомъ], ни искусный искусствомъ своимъ, ни мудрецы мудростью, ни могущественные силой своей, и когда послѣ этого вижу наступленіе ночи за днемъ, вращеніе вселенной,—благодаря всему этому я позналъ, что у всѣхъ есть Творецъ, но, что Онъ не подобенъ тварямъ, а, если бы Онъ былъ подобенъ имъ, то и Его постигло бы то же, что постигаетъ тварей. Ибо, какъ Онъ скажетъ, такъ и произойдетъ; лишь пожелаетъ [чего, это] тотчасъ исполнится; и Онъ восстанавливаетъ вновь матерію [въ томъ видѣ], какъ она была раньше,—такъ какъ приказаніе Его острѣ обоюдоостраго меча и быстрѣ сверканія молніи; захочетъ Онъ,—разсѣетъ и вновь все возвратитъ, и благословенно и прославлено имя Его во вѣкъ».

Иодасафъ сказалъ: «Во все это ты увѣровалъ истинно, но откуда ты узналъ, что предстоить воскресеніе послѣ смерти и воздаяніе за добро и зло?»

Балаваръ отвѣтилъ: «По двумъ дѣламъ можно [это] узнать, ибо [во первыхъ] жизнь покорныхъ и непокорныхъ въ семь міровъ раздѣлена.—такъ какъ мы видимъ многихъ изъ ослушниковъ въ радости, а покорные въ страданіи и безъ чести покидаютъ сей міръ, но я изъ этого заключаю, что великій Судія Богъ для того не возвеличилъ покорныхъ, чтобы во время воскресенія большій почетъ оказать имъ, ибо непокорныхъ Онъ осудитъ по дѣламъ ихъ: вторыхъ, можно [это] познать изъ проповѣдей апостоловъ, которые сами были очевидцами величія Божія; поэтому они возвѣщали воздаяніе вѣчное покор-

нымъ и предостерегали отъ вѣчныхъ мученій; и приняли мы свидѣтельство ихъ потому, что они творили чудеса и знаменія въ людяхъ сплюй Едино-роднаго Сына Божія, Который есть Господь Нашъ Иисусъ Христосъ».

Иодасафъ сказалъ: «Разъ апостолы были того же человѣческаго естества, почему мы думаемъ, что они говорили истину?»

Балаваръ отвѣтилъ: «Я усматриваю истину изъ того, что они, какъ я въ началѣ сказалъ, послѣдовали за Господомъ Нашимъ Иисусомъ Христомъ, и отреклись отъ имущества и приняли на себя нищету, а нищихъ они обогащали словами. Самы безъ обуви и съ непокрытой головою въ одной одеждѣ странствовали они повсюду, подвергали опасности себя и учили тому же другихъ; если же они были бы лжесвидѣтелями и обманщиками, то не такой узкой и трудной стезей вели бы людей, но, напротивъ, еще больше предлагали бы то, что подходитъ людямъ, указывая двери просторныя и широкія, что пріятно глазу, но вредно сердцу; предоставили бы [ихъ] похотямъ и удовольствіямъ и благодаря такой жизни взяли бы въ залогъ сердца людей, и не страшили бы сердца людей молитвой и постомъ, страданіемъ и бѣднотой».

Сказалъ Иодасафъ: «Если какой-либо человѣкъ встанетъ да будетъ ложно выдавать себя за пророка Божьяго, какъ узнать, что онъ говоритъ правду, или это узнать нельзя?»

Балаваръ сказалъ: «Дѣянія ихъ обнаружатся изъ ихъ тайнъ, ибо ¹⁾ они учатъ терпѣнію и сами нетерпѣливы, потому что не искренни,—учатъ Евангелію и сами полны коварства, да и чудесъ не могутъ творить, что людямъ не по силамъ».

И пока Балаваръ училъ царевича такимъ образомъ, часы посѣщенія имъ Иодасафа умножились; и сказалъ ему Занданъ воспитатель: «Ты знаешь, царевичъ, что твой отецъ назначилъ меня при тебѣ за мою преданность; и теперь я крайне удивленъ тѣмъ обстоятельствомъ, что этотъ человѣкъ во всякій часъ входитъ къ тебѣ; боюсь, какъ бы онъ не былъ изъ тѣхъ, которыхъ ненавидятъ отецъ твой. Теперь, если хочешь, прекрати это дѣло и бесѣды съ нимъ, или, хочешь, сдѣлай меня неповиннымъ, и дамъ я знать твоему отцу, но если не желаешь этого, удали отъ себя меня и вмѣсто меня пусть дастъ твой отецъ другихъ служителей, а меня избавь отъ гнѣва твоего отца».

Иодасафъ сказалъ: «Прежде сдѣлай такъ: встань тайно за занавѣской и немного времени послушай, что онъ говоритъ мнѣ, а потомъ, что тебѣ угодно, сдѣлай».

1) А и С «Учатъ благодати и сами полны коварства».

Какъ только вошелъ Балаваръ къ Иодасафу, сзади за занавѣску сталъ Занданъ; и когда они начали между собою бесѣдовать, Иодасафъ спросилъ о дѣлахъ мірскихъ. Балаваръ началъ распространяться о суетности сего міра, и сказалъ: «Лучше было бы (досл. подобаеетъ), если бы ищущіе сего міра избрали вѣчную, непреходящую радость; и отчего они не познаютъ бренности (досл. скорой преходимости) величія мірскаго, когда они видятъ быстрое изчезновеніе драгоценностей; и собирающіе [богатства] напрасно трудятся потому, что спусти малое время другіе становятся хозяевами ихъ сокровищъ; нынѣ какое дѣло въ мірѣ похвально, или какія цѣнности остаются нетлѣнными? Между тѣмъ тѣ, у которыхъ чрезмѣрно [много] будетъ богатства здѣсь, тамъ обрѣтутъ стѣсненіе и бѣдноту; а тѣ, которые стяжаютъ и возлюбятъ здѣсь почетъ, тамъ обрѣтутъ позоръ»; и многому другому въ томъ родѣ училъ онъ.

И какъ только вышелъ Балаваръ, Иодасафъ хотѣлъ испытать Зандана, пошли ли ему въ прокъ слова Балавара; и сказалъ онъ: «Ты не слышншь, что говорятъ мнѣ этотъ лжецъ и чародѣй? ибо онъ надѣется совратить меня и испортить радости сей жизни».

Сказалъ ему Занданъ: «Царевичъ, тебѣ не подобаеетъ неискренность со мной, ибо бесѣда эта—свѣтлая, и мы слышали и знаемъ ея великую сладость; но, когда прогналъ царь благочестивыхъ и выселилъ ихъ изъ этой страны, съ тѣхъ поръ не слышали подобныхъ рѣчей; я знаю, что по безумію [своему] оставляли мы это [ученіе] и возлюбили быстропреходящій міръ. Ты же, царевичъ, если [это] нравится тебѣ и избралъ ты это, если полюбишь и возьмешь на себя бремя его и также гнѣвъ царскій, равно сопротивленіе народа, то радуйся во вѣки небесному почету и жизни вѣчной. Меня же любовь къ міру и страхъ передъ отцемъ твоимъ отвратили [отъ этого]; но я не отвергаю превосходства (досл. богатства) дѣла этого; теперь прикажи мнѣ, какими средствами избѣжать гнѣва твоего отца, ибо до сихъ поръ я скрываю это дѣло».

Иодасафъ сказалъ: «Если ты это дѣло скроешь отъ царя, знай, что и это тоже вѣрность предъ нимъ, что ты не подвергнешь его большому безпокойству и печали, не отнимешь надежды на потомство и не повергнется онъ въ недовольство; а меня не бойся отнѣтъ и говоря и дѣлай, что тебѣ угодно, такъ какъ понялъ я суетность міра сего и истинно позналъ, что человѣкъ ничто, только червь и гной, прахъ и пепелъ, разсѣваемый въ мѣгъ; потому я и не забочусь о плоти, что она ничто, ибо душа познаетъ страданіе, или всѣ радости; теперь должно заботиться о ней, чтобы она въ вѣчности не была предана страданіямъ горькимъ, неугасимому огню, несусынному червю и тмѣ кромѣшной. Знай также то, что я обрѣлъ Отца

Вседержителя, Творца небесъ и земли, Создателя всѣхъ тварей. Его боюсь, передъ Нимъ трепещу и поклоняюсь Ему, ибо Онъ — царь царей, и Ему принадлежитъ власть надъ душою и плотью; царствіе же Его во вѣки вѣковъ. А ты дѣлай, что тебѣ угодно».

Но теперь Балаваръ хотѣлъ уйти и ушелъ отъ царевича; но онъ очень опечалился и не могъ перенести разлуки съ нимъ, и сказалъ: «Безъ тебя я не смогу быть; умоляю тебя, и я пойду съ тобою, и будемъ въ одномъ мѣстѣ пребывать съ близкими твоими».

Балаваръ отвѣтилъ: «Царевичъ, это выйдетъ подобно слѣдующему (досл. этотъ образъ [дѣйствія] подобенъ слѣдующему образу): былъ нѣкій знатный мужъ. Онъ имѣлъ любимаго сына. Для своего сына онъ вскормилъ дикаго оленя; на шею оленя привѣсилъ бубенчикъ, и онъ по-прежнему выходилъ въ поле пастись; однажды онъ присоединился къ другимъ козамъ и послѣдовалъ за ними въ лѣсъ. Какъ только узнали, что олень пошелъ въ глубь лѣса, тотчасъ вскормившіе его пошли искать оленя и нашли среди другихъ звѣрей. Оленя поймали и потащили домой, а остальныхъ [звѣрей] истребили. Тоже самое ты сдѣлаешь (досл. причинишь) и съ нами: со мной и моими близкими. И надежда твоя не будетъ исполнена, да и перенести не сможешь тѣ страданія, которыя перетерпѣваю я съ своими близкими; знай еще, что лучше терпѣть [тоже самое] здѣсь же и, если угодно будетъ Богу, то отыщешь другой способъ, какъ быть угоднымъ Господу Богу Нашему Іисусу Христу».

Иодасафъ сказалъ: «Скажи мнѣ, какой пищей вы питаетесь въ пустынѣ?» Онъ отвѣтилъ: «Мы питаемся земными лакомъ; а когда ихъ недостаетъ, мы получаемъ отъ нашихъ вѣрующихъ братьевъ».

Иодасафъ отвѣтилъ: «Умоляю тебя, возьми, сколько угодно, драгоценностей, чтобы вдоволь было у тебя и близкихъ твоихъ».

Онъ отвѣтилъ: «Какъ же ты даешь драгоценности близкимъ моимъ, когда послѣдній изъ нихъ богаче тебя?»

Иодасафъ сказалъ: «Какимъ образомъ наибѣднѣйшій твой ближній богаче меня, тогда какъ ты самъ говоришь объ ихъ чрезвычайномъ убожествѣ?»

Балаваръ отвѣтилъ: «Я говорю [такъ] потому, что у кого изъ васъ есть [богатство], тотъ заботится [о пріобрѣтеніи] еще новыхъ, волнуется, чтобы средства не истощились, и мечется во всѣ стороны, чтобы какъ можно больше собрать. А изъ моихъ близкихъ никто не заботится о чемъ либо подобномъ, ни объ ѣдѣ, ни объ одеждѣ, потому что они милостями¹⁾ питаются сообразно съ надобностью и прославляютъ за это Бога; такъ какъ

1) А и С «Отъ полей».

они покинули земныя богатства и удовольствія мірскія, то радуются они и веселятся душой, ибо ждутъ царствія небеснаго. Ищущіе на землѣ богатства—нищіе разумомъ и ненасытны, хотя бы они были и богаты. А ближніе мои обрѣтають великое спокойствіе и живутъ здѣсь, ибо сокровищницы ихъ на небесахъ полны и одна превосходятъ другую, и собраны тамъ, гдѣ ни воръ не крадетъ, ни червь не точитъ; и раздѣляшь ты вмѣстѣ съ ними [сокровищницы] въ вѣчной радости».

Иодасафъ сказалъ: «Откуда вы знаете справедливость [вышеупомянутыхъ] обстоятельствъ?»

Онъ сказалъ: «Вотъ откуда мы знаемъ истину: когда нѣкоторые изъ ближнихъ моихъ отдѣляются отъ плоти, мы лицезримъ обыкновенно свѣтлыхъ ангеловъ, пріибывшихъ взять душу ту, которую повелѣно было взять Господомъ, и слышимъ мы пѣніе сладкое, исходящее изъ устъ ангельскихъ. Когда же уносятъ ту душу, тогда снимается съ очей нашихъ завѣса и мы видимъ, какъ душа покоится на рукахъ ангеловъ и поднимается на небо; и провожаемъ мы ее глазами до тѣхъ поръ, пока они не пройдутъ темноты и діавола (досл. стражъ воздуха). Драгоценности же, которыя ты предлагаешь дать моимъ ближнимъ, раздай нищимъ и неимущимъ. Но я не буду посланникомъ для ближнихъ моихъ, чтобы доставить имъ ядъ, который волнуетъ чело-вѣческій разумъ; и какъ я приведу имъ того врага, котораго они умертвили и попрали ногами? А разъ они богаты, какъ обратиться имъ къ нищетѣ и начать волноваться?»

Иодасафъ сказалъ: «Откуда ваше одѣяніе?» Онъ отвѣтилъ: «Одѣяніе наше — старье и лохмотья, подобранныя въ сору».

Иодасафъ сказалъ: «Прими одежду для ближнихъ твоихъ».

Балаваръ сказалъ: «Никто¹⁾ изъ насъ не хранитъ одежды, ибо на немъ одна, которая прикрываетъ плотскую немощь; да и на что двѣ одежды, какъ это на тебѣ, тому, который съ вечера до зари ожидаетъ смерти?»

Иодасафъ сказалъ: «А ты почему же одѣтъ въ такое платье?»

Балаваръ отвѣтилъ: «Это платье одѣлъ я теперь, чтобы прійти къ тебѣ, и чтобы никто не поразился видомъ моихъ одѣяній. И дѣйствіе (досл. образъ) это подобно дѣйствию (образу) того, у котораго родственникъ находится въ плѣну, и онъ, переодѣвшись, вступаетъ во вражескую страну,

1) Д и В «Ваши одежды не годны для употребленія. Наше старое одѣяніе, въ сору подобранныя лохмотья—лучше дорогихъ тканей, расшитыхъ золотомъ, ибо старая наша одежда ждетъ обновленія, чтобы не старѣть во вѣки, а быть одѣяніемъ свѣтлымъ; а ваши изнашиваются и обращаются въ пыль». Сказалъ Иодасафъ: «Сколько одеждъ на насъ?» — Сказалъ: «Одна, покрывающая немощь плоти, да и на что двѣ такія одежды тѣмъ, которые съ вечера до зари ждутъ смерти?»

дабы [такою] изобрѣтательностью освободить того плѣнника. И какъ только мнѣ стало извѣстно, что ты ищешь истины, что ты желаешь послушать гласъ благовѣстителя, и я узрѣлъ почву для посѣва, то вышелъ я изъ моего обиталища, одѣвъ я это платье, ибо далъ мнѣ его человекъ вѣрующій и богобоязливый, и пришелъ къ тебѣ, и вотъ силою Христовой ты избавленъ мной отъ враговъ, такъ какъ я возвѣстия тебѣ заповѣди Божья и вѣру Его; [возвѣстия], что мѣръ сей блудливъ и ни для кого въ любви не постояненъ. Когда же достигну того мѣста, гдѣ я одѣлся такъ, тамъ же раздѣнусь и приму [прежній] видъ и одѣнусь въ платье ближнихъ моихъ. И если бы увидѣлъ ты меня въ образѣ и одѣяннѣ съ ближними моими, тогда ты и не желалъ бы прійти ко мнѣ».

Тогда онъ началъ умолять его показаться въ образѣ томъ и одѣяннѣ. А Балаваръ снялъ одежду, которая была на немъ; и было тѣло его изсушено и морщинисто, и только кожей прикрывались кости [такъ, что] всѣ кости (досл. члены) можно было сосчитать. На немъ былъ только кусокъ тряпья, который облегалъ его отъ пупка до середины голени. Какъ только Иодасафъ увидѣлъ образъ благочестія, сердце его было растрогано, и плакалъ онъ сильно; внутренности (досл. кишки) его сотрясались, и причитывалъ онъ, какъ причитываютъ по возлюбленномъ сынѣ, и сказалъ: «Такъ какъ ты не берешь меня съ собой, то дай мнѣ это одѣяніе — лохмотья, а отъ меня [въ замѣнъ] возьми другое, какое тебѣ будетъ угодно». Онъ согласился (досл. подчинился) и далъ ему то одѣяніе изъ тряпья; и облачился онъ въ старье и лохмотья, а Иодасафъ предлагалъ ему взять новое.

Балаваръ сказалъ: «Мнѣ не должно брать вмѣсто стараго новое». Онъ вразумлялъ и говорилъ ему:

«Царевичъ, я рабъ Господа Нашего Иисуса Христа; дѣло свое (досл. cursus) передъ тобой, какъ повелѣлъ мнѣ Св. Духъ, я закончилъ, ибо всѣ законы Его я изложилъ тебѣ. А теперь мнѣ хочется направиться къ другимъ и отыскать плодоносныя мѣста, чтобы засѣять ихъ. И такъ я ухожу и заповѣдую: сохрани Богу вѣру Его, которая дана тебѣ черезъ меня; и возвѣстия я законы Его, и Онъ сдѣлалъ Тебя достойнымъ этого. Но ты остерегайся преступить заповѣди Его и попасть въ яму погибели, а я буду молить Господа, совершающаго все благое, укрѣпить тебя во время всякаго натиска враговъ и даровать тебѣ мудрость съ крѣпостью и терпѣніе, дабы въ спокойствіи протекли дни твои и не одолѣли тебя враги наши, діаволы, и чтобы ты не лишился (досл. отпалъ отъ) величія Бога. Но я боюсь: ты царскій сынъ, въ нѣгѣ и удовольствіяхъ возвращенъ, какъ бы ты не сдѣлался нетерпѣливымъ, не сбился съ пуги истины, и не начали управлять тобой страсти».

Иодасафъ въ отвѣтъ сказалъ ему: «Ты называешь меня царевичемъ,

но я не царевичъ, а рабъ и сынъ Господа Безсмертнаго. Господь умножилъ милости Свойя при твоёмъ посредствѣ ко мнѣ, ибо ты сдѣлался причиною познанія мною Бога, наставилъ [меня] на путь истины и избавилъ отъ сѣтей дьявольскихъ; и велико воздаяніе, [которое] требуется отъ меня за оказанныя тобой мнѣ блага; и я не могу достойно отблагодарить, какъ подобаетъ поблагодарить тебя, но я уповаю на Бога, что Онъ воздастъ тебѣ за меня; ибо у Него полнота воздаяній и Онъ да исполнитъ за меня это доброе воздаяніе тебѣ. Но если ты останешься со мной, — ты радость души моей, а если уйдешь, то да не разлучитъ насъ Богъ съ Своей волею». И распростерлись они другъ съ другомъ, и ушелъ Балаваръ въ свое мѣстопребываніе.

Послѣ этого Юсадафъ началъ поститься и молиться Богу, а, когда люди засыпали, онъ начиналъ бдѣть, со слезами и воздыханіями совершалъ свои молитвы.

Воспитатель же Занданъ отъ страха передъ царемъ заболѣлъ; и когда царь узналъ о болѣзни, онъ отправилъ своихъ лѣкарей, чтобы они могли узнать, отчего онъ боленъ. Но когда они [его] осмотрѣли, пришли и доложили царю: «Недомоганіе Зандана не отъ болѣзни, а отъ душевнаго недовольства».

Онъ сказалъ про себя (досл. въ сердцѣ своемъ): «Что беспокоитъ сердце его? Не отвратилъ ли кто моего сына отъ моей вѣры и потому страдаетъ воспитатель моего сына, Занданъ?»

Поднялся онъ и пошелъ навѣстить его, чтобы узнать, что съ нимъ и отчего онъ горюетъ.

Когда Занданъ услышалъ о прибытіи царя, съ ужасомъ вышелъ онъ къ царю. И сказалъ царь: «Что тебя беспокоитъ, Занданъ?»

Тотъ отвѣтилъ: «Живи, царь, во вѣки! Великая забота объяла меня, очень беспокоитъ меня и сильно волнуетъ, ибо твой сынъ отвергъ твою вѣру и принялъ Христову, и потому схватилъ я тяжкую болѣзнь».

Но онъ сказалъ: «Кто сдѣлалъ это?»

А онъ сказалъ: «Балаваръ, котораго ты отпустилъ, подкрался, я не зналъ, и тотъ совратилъ его».

Тяжко стало царю, и воротился онъ во дворецъ. И призвалъ онъ одного совѣтника и звѣздочета, имя котораго было Ракисъ, и сказалъ: «Что мнѣ дѣлать? Сынъ мой уклонился отъ моей вѣры».

А онъ сказалъ: «Прежде всего намъ нужно поговорить съ нимъ и разъяснить ему его заблужденіе, и, если не убѣдимъ, тогда отыщемъ другое средство». Они тотчасъ пошли къ Юдасафу, и, когда поздоровались и присѣли, царь сказалъ сыну своему: «Что значить это твое заблужденіе, скажи мнѣ, сынъ?»

Но онъ сказалъ: «Это не заблужденіе, ибо я истинно слѣдую Тому,

Который сотворилъ и создалъ меня. А вотъ ты введенъ въ заблужденіе, ибо ты оставилъ Творца и служиши тварямъ, и если ты послушаешься и поклонишься Тому Богу, Который сотворилъ небеса, землю, море и все, что въ мірѣ — ибо солнце, луну и звѣзды Онъ сотворилъ, — такъ, если поклонишься Тому Богу, будешь и ты блаженъ, и мѣ.

И потерялъ царь надежду убѣдить его и сказалъ: «Правду говорили о немъ тѣ философы, что-де ребенокъ этотъ будетъ противникомъ вѣры твоей».

Всталъ онъ и пошелъ, отягченный [горемъ], въ свой дворецъ и сказалъ Раѣсу: «Какое средство теперь намъ примѣнить?»

А тотъ сказалъ: «Знаю я человѣка, съ которымъ вмѣстѣ я учился, и никто его въ этой странѣ не знаетъ, а вѣры онъ нашей, весьма ученъ въ мудрости, и имя его Наѣръ¹⁾. Приведемъ его, ибо онъ очень похожъ на Балавара цвѣтомъ и ростомъ, и одѣнемъ его въ облаченія, въ какихъ видѣлъ Іодаса-ѣ Балавара. И такъ мы пойдемъ искать Балавара и царевича извѣстимъ объ этомъ; хотя намъ невозможно найти его, все-таки скажемъ твоему сыну, что идемъ искать твоего наставника и, если найдемъ, приведемъ къ тебѣ. А мы пойдемъ и вмѣсто Балавара приведемъ къ нему Наѣра, и пусть скажетъ онъ ему: «Все я сказалъ ложно, потому что я былъ врагомъ твоего отца». И такимъ средствомъ обратимъ твоего сына въ нашу вѣру».

Какъ услышалъ царь это, поправилъ слова Раѣсы ему. Вышли искать Балавара; идя, въ одномъ мѣстѣ нашли мужей-пустынниковъ (досл. *rabulatores*), служителей Бога, у которыхъ на шеѣ висѣли кости. И когда ихъ привели къ царю, онъ ихъ спросилъ: «Кто вы такіе и что означаютъ эти кости, которые висятъ у васъ на шеѣ?»²⁾

А они сказали: «Мы служители Бога, и кости висятъ у насъ для того, чтобы постоянно онѣ напоминали бы намъ о смерти».

Царь сказалъ: «И почему эти кости больше, чѣмъ совѣсть или самъ разумъ, напоминаютъ вамъ о смерти, вѣдь всѣ [люди] знаютъ [то], что они смертны».

И сказалъ тотъ человѣкъ: «Если бы вы знали, что вы смертны, то не преслѣдовали бы благочестивыхъ; ибо мы знаемъ и освѣдомлены, что вы ищете Балавара».

И сказалъ имъ Раѣсъ: «Гдѣ этотъ чародѣй, который совратилъ царевича?»

А тотъ сказалъ: «Ты самъ діаволь и чародѣй, а онъ нашъ ближній, украшенный всякой добродѣтелью и вооруженный страхомъ Божьимъ».

1) Такъ это имя пишется въ рукописяхъ всюду.

2) С «На груди вашей».

И сказалъ вновь Ракисъ: «Гдѣ же онъ теперь находится?» А она сказала: «Мы не знаемъ, гдѣ онъ, я онъ если бы желалъ, самъ бы открылся. А вы напрасно утруждаете себя и ищите его, ибо Богъ оберегаетъ его, и вы не сможете найти его. И почему вы ищите брата нашего, который оставилъ вамъ минутное величіе и больше не будетъ дѣлать его съ вами, а тѣхъ не преслѣдуете, которые соперничаютъ съ вами и стремятся участвовать въ вашихъ земныхъ радостяхъ?»

Царь сказалъ: «Потому, что онъ самъ въ заблужденіи и другихъ совращаетъ и удерживаетъ отъ благъ и удовольствій, которыя сотворены для людей; и потому я гнѣваюсь на него, что они (sic) не полюбили благъ земныхъ».

Сказалъ тотъ человѣкъ: «Если это такъ, я ты хочешь, чтобы всѣ люди жили въ удовольствіи, то почему ты не сдѣлаешь всѣхъ людей соучастниками твоихъ удовольствій? Ибо ты доставляешь себѣ всяческія удовольствія, а бѣдняки скитаются голодные и голые».

Царь сказалъ: «Потому, что царь и рабы, князья и народъ не равны, и [для того], чтобы каждый соразмѣрно получалъ удовольствіе и почетъ».

Тотъ человѣкъ отвѣтилъ: «Ты своимъ же словомъ теперь опровергаешь тобою сказанное, ибо ты ищешь [удовольствій] для себя, а не для людей; а если хочешь, теперь я тебѣ сообщу, по какой причинѣ ты пылаешь завистью и готовъ причинить зло тѣмъ, которые оставили удовольствія сего міра,—ибо ты думаешь, что вѣрующіе умножатся, и когда они умножатся, не будутъ сносить ярма рабства твоего, и потому ненавидишь ты ихъ и преслѣдуешь».

И сказалъ царь: «Есть ли кто-либо изъ твоихъ ближнихъ выше тебя?»

А тотъ человѣкъ сказалъ: «Нѣтъ никого ни выше меня, ни ниже, ибо всѣ мы равны во Иисусѣ Христѣ Господѣ, Нашемъ, а у меня такая же извѣстность въ этомъ мірѣ, какая у тебя и у твоихъ ближнихъ».

Тогда царь приказалъ изрубить ихъ на куски и бросить на дорогу, и приказалъ Ракису привести Нагора; и вышелъ Ракисъ ночью одинъ и позвалъ Нагора и сказалъ о всѣхъ замыслахъ царя и сообщилъ, чтобы онъ вышелъ на дорогу. Когда разсвѣло, онъ отправился къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ находился Нагоръ. И онъ шелъ по дорогѣ; и сказалъ царь рабамъ своимъ, чтобы они спросили, кто такой тотъ человѣкъ? На ихъ вопросъ онъ имъ сказалъ: «Я Балаваръ».

А она схватили его и съ радостью привели къ царю; а царь такъ обрадовался, какъ если бы нашелъ предметъ своихъ исканій; и отправилъ онъ одного изъ рабовъ своихъ извѣстить Иудасафа о поимкѣ Балавара. Но тотъ, услышавъ, вздохнулъ и началъ горевать, и говорилъ про себя: «Какъ бы отъ страха передъ мученіями, которымъ подвергнетъ его отецъ мой, онъ не

сдѣлался малодушень, не испугался и не началъ противостоять мнѣ, чтобы подчиниться приказаніямъ моего отца».

Плакалъ онъ объ этомъ и говорилъ: «Господи, зачѣмъ ты предать раба твоего Балавара въ руки беззаконнаго царя и отчего не скрылъ его отъ глазъ ихъ?»

А рабъ тотъ [посланный къ нему] тайно былъ христіанцемъ, и сказалъ:

«Царевичъ, не безпокойся, потому что это не Балаваръ, а Накоръ, похожій на него».

И обрадовался этому Иудасафъ и величалъ Господа. И когда пришелъ рабъ тотъ къ царю, царь его спросилъ: «Эго ты Балаваръ, который совратилъ сына моего?»

А онъ сказалъ: «Хоть бы я былъ тотъ, не мало добра дѣлалъ я тебѣ».

Царь сказалъ: «Какими благодѣяніями ты попрекаешь меня?»

А онъ сказалъ: «Такими, что ты хочешь отучить сына своего, а я трудился надъ нимъ, уча его истинѣ, пока не довелъ его до спасенія души и научилъ тому, что возвѣстали намъ святые пророки и апостолы. [тому], что уготовилъ Богъ любящимъ Его, ибо онъ былъ врагомъ и я примирилъ его съ Богомъ; и онъ принялъ и отступился отъ вашего безбожія».

Но царь сказалъ: «Я не хочу тебя убивать, пока вполне не разслѣдую твоего дѣла; посадилъ его верхомъ на лошадь и пошелъ въ свой дворецъ. И распространилось извѣстіе, что царь захватилъ Балавара; на другой день всталъ царь и пошелъ къ своему сыну и сказалъ: «Сынъ мой, ни на чью долю не выпадала такая радость, какая выпала на мою долю — о тебѣ; а теперь ты всю ту радость обратилъ мнѣ въ горе и безпокойство, и помрачилъ свѣтъ очей моихъ и навлекъ на себя то, чего я опасался. А я-то думалъ, что ты будешь по смерти моей наслѣдникомъ моихъ имуществъ и царства моего, а ты разстроилъ намѣреніе мое, ибо ты попалъ въ тѣ сѣти, которыхъ яменно я боялся, такъ какъ я оберегалъ тебя отъ земныхъ страданій; но ты по незнанію и молодости подвергъ себя всѣмъ тѣмъ опасностямъ и воспротивился волѣ моей, и оставилъ вѣру мою, и положилъ локоны свои въ руки людей лживыхъ и лукавыхъ, которые довели тебя до горя и которые ввергнутъ тебя въ адъ».

Отвѣтилъ Иудасафъ отцу своему: «Я хотѣлъ, царь, не открывать служенія моего Богу до разлуки съ плотью, чтобы я не навлекъ горя на тебя, ибо говорилъ я про себя: «Если я раньше отца моего отдѣлюсь отъ плоти въ служеніи своему Богу, — благо, а если отецъ мой отойдетъ [въ тотъ міръ] раньше меня, то все-таки пусть онъ не отойдетъ огорченный тѣмъ, что я возсталъ противъ него. А если угодно будетъ Господу Моему,

Иисусу Христу, по смерти отца моего я выйду въ пустыню, чтобы тамъ быть угоднымъ Господу. А теперь я не повиненъ передъ тобой, ибо ты обнаружилъ дѣло мое».

Но какъ только царь услышалъ эти слова, онъ побранилъ его и началъ поносить истиннаго Бога Христа. Иудасафъ сказалъ: «Я не знаю, царь, изъ-за чего ты огорчаешься? изъ-за блага, которое я обрѣлъ, или изъ-за сопротивленія твоей волѣ? Если вы гнѣваетесь на меня за то, что я обрѣлъ благо, мнѣ слѣдуетъ бѣжать отъ тебя, ибо вы не желаете блага для меня. Если же ты обвиняешь меня въ сопротивленіи тебѣ и хочешь погубить меня за то, что противлюсь волѣ твоей, тогда и мнѣ слѣдуетъ быть огорченнымъ тѣмъ, что ты лишенъ тѣхъ благъ, которыя я приобрѣлъ, и не можешь приобщиться къ тѣмъ [благамъ], которыя во сто кратъ выше земныхъ, подобно тому какъ свѣтила небесныя, какъ ты видишь. [выше земли]. Но если ты исполнишь свою угрозу, я буду блаженъ, ибо скоро достигну тѣхъ благъ, о которыхъ говорили пророки и свидѣтельствовали апостолы».

Ракісъ сказалъ: «Кто знаетъ, что пророки и апостолы говорили правду?»

Сказалъ онъ: «Я знаю изъ того, что они творили знаменія и чудеса, какихъ другіе не могутъ совершать; а всѣ они творили это именемъ Божьимъ, чтобы сдѣлать вѣрующимъ весь міръ».

И продолжалъ Ракісъ допрашивать Иудасафа по [этому] вопросу въ присутствіи его отца, пока Ракісъ не позналъ Бога и не сказалъ: «Онъ обо всемъ говоритъ истинно, и мы исполняли бесполезный трудъ по отношенію къ идоламъ». И исповѣдалъ передъ всѣмъ народомъ и сказалъ громко: «Нѣтъ въ мірѣ Бога, кромѣ Бога Единого, Который сотворилъ небеса и землю», и всякое установленіе вѣры призналъ самъ и началъ [послѣ того] молиться и постыгся.

Огорчился царь Іабенесъ отъ этихъ словъ Ракіса и сказалъ: «Справедливо я низвергнулъ и выселялъ тѣхъ соблазнительей и чародѣевъ изъ моей страны. Сыну своему я желалъ блага, и они благодаря молодости его и недостаточнымъ познаніямъ соблазнили его; теперь черезъ него и сей Ракісъ, глава мудрецовъ, сбился съ пути».

Иудасафъ въ отвѣтъ сказалъ: «Ты называешь меня младенцемъ, а я достигъ совершеннолѣтія и не могу оправдываться передъ Богомъ малолѣтствомъ; и ты упрекаешь меня за благодѣянія мнѣ, и принуждаешь меня покинуть вѣчныя блага ради преходящихъ и тлѣнныхъ, но знай, что нельзя равнять нетлѣнныя [блага] съ тлѣнными. А эти твои блага или ты отнимаешь вслѣдствіе незначительнаго какого-либо гнѣва, или и у тебя, и у меня отниметъ время теченье. А о радости вѣчной Господь говоритъ такъ:

«Радости той никто не отниметь у тебя». И занятіе, и образъ жизни, которые ты избралъ для меня, прекрасны и милы, если бы они не были скоропреходящими. Но если у тебя есть увѣренность въ томъ, что ты удержишь его (т. е. такой образъ жизни), то онъ благъ и желаненъ; а если ты не увѣренъ, то отчего ты не прощаешь мнѣ его оставленія, дабы я получилъ наивѣланнѣйшую жизнь? И какъ удивляетъ тебя, царь, мое стремленіе ко благамъ непреходящимъ, а упоеніе твое преходящими удовольствіями не удивляетъ тебя? Несчастье мое здѣсь — благо, ибо оно будетъ для меня причиной жизни вѣчной. И какъ мнѣ не надоѣсть этотъ міръ, когда онъ самъ надоѣдаетъ любящимъ его? И какъ мнѣ не отворотиться, когда онъ самъ обращается различно съ людьми? Или какъ же довольствоваться благами его, когда блага его — зло, такъ какъ сегодня [человѣку] онъ [ихъ] даетъ, а на другой день отнимаетъ. А ты не уразумѣлъ этого и противишься закону Божьему и не хочешь принять благодѣяній Его, ибо Онъ милосердъ и желаетъ обращенія всѣхъ; Онъ потому воздалъ тебѣ [за зло], которое ты причинилъ рабамъ Его и служителямъ».

Тогда смягчился царь и догадался, что вразумленіе еще болѣе возбуждаетъ разумъ его къ любви Бога; всталъ онъ и пошелъ во дворецъ. На другой день онъ вновь пришелъ и сладко [прижалъ] его къ груди своей, обнявъ за шею и сказалъ: «Нѣтъ, дитя мое и плодъ чрева моего, и не подозрѣвай, что я хотѣлъ зла тебѣ; затѣмъ ты знаешь справедливый судъ мой, какъ я сужу вдовъ, сиротъ, бѣдняковъ и безпомощныхъ, и не упускаю [случая], чтобы исполнить ихъ просьбы; какъ же можешь ты, сынъ мой, хулить мою вѣру и осуждать мой законъ? И какъ ты не вѣришь, что диаволь усмотрѣлъ безразсудство и слабость твою и возвысилъ тебя въ твоемъ знаніи, какъ бы сравнивалъ тебя съ Богомъ, и этимъ разставилъ [сѣти] соблазна при помощи языка, по наущенію Балавара. И какъ это ты разсудилъ, что у тебя истина, а у меня ложь? Я и самъ знаю, сынъ мой, что сердце твое стремится (досл. говоритъ) къ лучшему и это — величайшая милость, дарованная Богомъ тебѣ, а отъ тебя и мнѣ, ибо корень отцовъ твоихъ привлекъ тебя». И все это [отецъ] говорилъ [Иудасафу] съ радостью.

Но когда Иудасафъ слышалъ эти слова, укрѣпилось сердце его, и онъ сказалъ: «О царь, разъ наши отцы были благочестивыми, почему ты оставилъ вѣру отцовъ твоихъ; теперь ты хорошо научилъ меня, хотя самъ на дѣлѣ-то соблазняешь меня; но болѣзнь разума твоего злая и мнѣ не слѣдуетъ торопливо трудиться надъ ея излеченіемъ; теперь мнѣ нужно искать лекарство, а подходить къ тебѣ со строгостью мнѣ не подобаетъ, ибо ты отецъ мой, и почтеніе дѣтей къ родителямъ должно быть велико, потому кто будетъ говорить съ тобой коварно, тотъ не преданъ тебѣ. Теперь умѣри

волненіе въ сердцѣ твоёмъ и посмотри, что лучше для тебя; помни то, что тебѣ скоро надлежитъ умереть и что все величіе свое ты оставишь другимъ; вы же видите, что лишь смерть похититъ человека ¹⁾, другіе овладѣваютъ его имуществомъ. А послѣ нѣкотораго времени всѣмъ намъ надлежитъ воскреснуть, и тогда воздастся каждому по дѣламъ его. Послушай меня и выбери въ сердцѣ своемъ лучшее, ибо нѣтъ никого въ этомъ мірѣ, кто бы научалъ тебя лучшему [чѣмъ это]. Но въ пустыняхъ остались нѣкоторые благочестивые люди, которые вѣруютъ въ Господа Нашего Іисуса Христа; они знаютъ о воздаяніи и наказаніи, и, если хочешь, приведи кого-либо изъ ихъ числа и знатоковъ твоей религіи; устроимъ пренія и тогда обнаружится, кто говоритъ истину и кто ложь.

Когда царь услышалъ ту рѣчь своего сына, онъ въ удивленіи замолкъ; и лишь пришелъ въ себя, сталъ онъ бороться со своимъ позывомъ; позывъ его подстрекалъ и напоминалъ ему удовольствія и утѣхи, къ которымъ онъ привыкъ; и сердечныя внушенія говорили ему, что и одного дня не можетъ онъ прожить безъ своихъ привычекъ; что и побѣда надъ позывомъ порождаетъ (досл. есть) горечь и недовольство.

Тогда сказалъ онъ ему: «Сынъ мой, слово твое соблазнило меня и обратило къ тебѣ, и теперь не буду откладывать выясненія [правдивости] твоихъ словъ и спокойнаго разслѣдованія; если они истинны, они еще болѣе просвѣтятся при изслѣдованіи. Теперь мнѣ хочется собрать народъ и сказать слово по правдѣ; больше не буду распоряжаться силой, чтобы разнесся слухъ о спокойствіи и чтобы всѣ, которые твоей вѣры, пришли на это собраніе, дабы совершилось справедливое рѣшеніе передъ лицомъ всего народа, дабы ты не сказалъ, что я прибѣгъ къ насилію въ чемъ-либо. Пусть наше дѣло рѣшится по справедливости».

Тогда царь приказалъ собрать народъ, и вышли идолопоклонники, а Нагоръ, который представлялъ собой Балавара, сталъ съ царевичемъ; но никто изъ вѣрующихъ не присутствовалъ на собраніи, за исключеніемъ одного, который тайно держался Христовой вѣры, — имя его Баракія ²⁾; и приготовился онъ помочь Балавару; и возсѣлъ царь на тронъ, а Иудасачъ на землю, такъ какъ онъ не хотѣлъ сидѣть на тронѣ. Первымъ началъ говорить царь идолослужителямъ: «Такъ какъ вы учителя (досл. головы) этой религіи, вотъ сегодня подвизайтесь непоколебимо и, если вы одолѣете, благос вамъ будетъ воздаяніе; а если будете побѣждены, знайте, что въ дребзги разобьёте корону, и опрокину тронъ мой, и отпущу волосы на головѣ,

1) С прибавляетъ: «Онъ не возвращается вновь туда же (т. е. на землю)»...

2) Такъ это имя пишется во всѣхъ спискахъ.

и присоединюсь къ числу кающихся, и сожгу боговъ вашихъ, и истреблю васъ, служителей ихъ; будутъ расхищены дома ваши и будутъ полонены ваши дѣти и жены».

А сыну своему онъ сказалъ, указавъ на Наѳора: «Вотъ твой наставникъ, устроймъ теперь пренія въ присутствіи нашемъ».

И сказалъ Иудасафъ: «Царь, ты постановилъ справедливое рѣшеніе, какъ [это] подобаеетъ царямъ», а Наѳору онъ сказалъ: «Ты знаешь, Балаваръ, нашелъ ты меня въ нѣгѣ и удовольствія и предложилъ ты мнѣ принять вѣру твою, и ты сказалъ, что непоколебимъ ты въ ней: я пренебрегъ стыдомъ передъ царемъ, и послушался приказанія его, и рѣшился на жизнь въ стѣсненія отъ страха передъ наказаніями, о которыхъ ты мнѣ проповѣдывалъ; и вотъ теперь, собралось множество идолопоклонниковъ противниковъ, нѣтъ никого среди нихъ помощника мнѣ, и ты слышишь судъ царевый. Если ты разставилъ мнѣ соблазнъ какой-либо и отторгъ меня отъ удовольствія, и если теперь ты будешь побѣжденъ, знай хорошо,—въ мигъ отомщу языку и сердцу твоему, своими руками вырву ихъ и брошу псамъ, и это сдѣлаю потому, что ты надругался надъ царевичемъ. Такой обѣтъ даю передъ Богомъ и всѣмъ этимъ собраніемъ».

Когда Наѳоръ это слово услышалъ, онъ ужаснулся и замѣтилъ, что онъ попалъ въ ту яму, которую онъ самъ рылъ; и сказалъ онъ [про себя], что онъ ни чѣмъ не избавится, какъ только исповѣданіемъ Христа и съ помощью вѣры Балавара; про царя же онъ думалъ, что тотъ оставилъ заговоръ свой, который онъ прежде замыслилъ. И открылъ уста свои Наѳоръ и началъ хвалить идоловъ и хвалить Христа и творящихъ законы Его. И текла его рѣчь настолько хорошо, что и Балаваръ не сравнился бы съ нимъ въ своихъ возраженіяхъ идолослужителямъ.

Иудасафъ радовался въ душѣ, и просіяло лицо его, и благодарилъ онъ Бога, Который успилъ религію Свою устами противниковъ Своихъ; и продолжались между ними пренія, и разгнѣвался царь на Наѳора за успѣшность его рѣчей, но отъ стыда ни въ чемъ его не упрекалъ, ибо сказалъ царь про себя: «Какъ это я навлекъ самъ бѣду на себя». И началъ царь самъ отвѣчать и состязаться съ Наѳоромъ.

Но Наѳоръ далъ ему рѣзкій отвѣтъ: нмъ стыдиль онъ и царя, и не испугался гнѣва царскаго. Наступила ночь; побѣда ни на чьей сторонѣ не оказалась, ибо Наѳоръ ослабилъ отвѣтъ, стыдись царя.

Но Иудасафъ сказалъ царю: «Ни на какой сторонѣ не оказалась побѣда, ни [на чьей сторонѣ] правда, и моего наставника оставь при мнѣ, а своихъ при себѣ».

Но царь хотѣлъ тайно внушить Наѳору, чтобы онъ не возражалъ на

отвѣты, и царь оставилъ Наѳора вслѣдствіе благоволенія къ своему сыну, а также надѣялся, что Наѳоръ вслѣдствіе заговора ихъ ослабитъ свои отвѣты. Но царевичъ сказалъ тайно Наѳору: «Я знаю о тебѣ, что ты Наѳоръ; радуйся, ибо ты сегодня хорошо подвизался для благочестія; но я потому взялъ тебя, чтобы защитить тебя отъ злого обращенія царя, ибо сегодня ты очень осрамилъ его, и онъ желаетъ тебѣ зла; мы теперь не примемъ помощи отъ твоихъ устъ, противъ твоей воли; но если ты позналъ то, что съ тобой произошло,—помощь тебѣ была съ неба; въ противномъ случаѣ какъ ты воспротивился такому множеству народа? Теперь внимай призыву Божьему и вѣрь Его, возьми крестъ и иди за Христомъ».

Сказалъ ему Наѳоръ: «Я принялъ, царевичъ, то, къ чему ты меня призываешь, и вѣрую во Единого Бога и позналъ, что все — черезъ Него; а теперь повергнусь [нищ] передъ Нимъ [въ молитвахъ] о грѣхахъ моихъ, ибо Онъ Самъ милостивъ и ожидаетъ обращенія грѣшниковъ. Но ты, царевичъ, радуйся, если пойдешь по волѣ Его, и я совѣтую тебѣ почитать отца своего и вести съ нимъ жизнь по справедливости, покуда Богъ дастъ тебѣ дорогу.

А мнѣ стыдно лица твоего отца, такъ какъ онъ, да будетъ тебѣ извѣстно, привелъ меня себѣ въ помощники, а я нарушилъ заговоръ противъ васъ, ибо я очень испугался тебя; и теперь мнѣ слѣдуетъ бѣжать отъ лица отца твоего; ты отпусти меня и я пойду въ пустыню, и, если Богу будетъ угодно, снова приду когда-либо къ тебѣ. А я вѣрую во Отца и Сына и св. Духа и исповѣдую Его».

И позволилъ [ему] царевичъ уйти, и простился Наѳоръ съ нимъ, и пошелъ онъ, исполненный вѣры. Но когда царь узналъ [объ этомъ], онъ отчаялся и въ Наѳорѣ и повременилъ спорить со своимъ сыномъ. Онъ началъ поносить идоловъ и лишилъ идолослужителей почета; и приблизился потомъ праздникъ идоловъ и боялись тѣ идолопоклонники, что ужъ не придетъ царь принести жертву идоламъ.

Тогда они отправились къ Тедамису; онъ былъ идолослужитель и находился въ пустыни; очень уповалъ на него царь и весь народъ его, ибо думали, что дождь и солнце черезъ его молитвы даруются этому міру. И привели этого мужа къ царю, чтобы онъ помогъ имъ; когда онъ входилъ во дворецъ къ царю, онъ ни чѣмъ не былъ прикрытъ, только старой тряпкой онъ обвязалъ чресла свои. И когда царь замѣтилъ, что онъ входитъ къ нему, онъ всталъ, встрѣтилъ и съ удовольствіемъ привѣтствовалъ его; а какъ они успѣлись, Тедамисъ сказалъ: «Царь, живи во идолахъ, ибо я слыхалъ, что ты очень подвизался ради боговъ и я возрадовался, что тебѣ была дарована побѣда».

Но царь сказалъ: «Мы побѣды ни откуда не получали, а теперь ты посильно помоги намъ».

Тедамись¹⁾ сказалъ: «Прежде всего слѣдуетъ исполнить праздникъ идоловъ²⁾, а потомъ встрѣтиться съ врагами, ибо они помощники въ борьбѣ съ врагами».

И сказалъ царь: «Наше положеніе подобно [положенію] того³⁾, который имѣлъ красивую жену и боялся, что она не будетъ въ состояніи терпѣть и сотворить блудъ съ юношей; поэтому онъ предупредилъ свою жену и сказалъ: «Если ты почувствуешь страсть и не сможешь противостоять своей плоти⁴⁾, распусти свои волосы; какъ увижу ихъ, я исполню желаніе твое, и ты не попадешь въ грѣхъ».

Однажды приступили враги и позвали его; и вооружился юноша, чтобъ выйти сражаться; но когда жена увидѣла его разодрѣтымъ, она воспылала къ нему страстью и въ одинъ мигъ распустила свои волосы; а юноша лишь замѣтилъ знакъ, который ему былъ данъ, воротился и исполнилъ желаніе своей жены. Но когда онъ вышелъ, преслѣдовавшіе обратили уже враговъ въ бѣгство и возвращались, а юношу упрекали за поздній выходъ. Но онъ сказалъ: «Со мною сражался мой собственный врагъ⁵⁾; его я прогналъ, и это задержало меня!»

Тедамись, ты теперь исцѣли то, что больше мучаетъ, и потомъ, если меня успокоишь отъ волненій, тогда исполнимъ служеніе богамъ».

Тедамись сказалъ: «Ничто такъ не полезно и ничто такъ не дѣйствуетъ (досл. рѣжетъ), какъ соблюденіе праздниковъ боговъ».

Сказалъ царь: «Я думаю такъ, не тотъ ли наиболѣе истинный [Богъ], противъ Котораго мы возстали, а, если ты хочешь, поди и блюди праздникъ. Я же останусь въ своемъ сомнѣніи, пока не выяснится для меня, что лучше».

Тогда разгнѣвался Тедамись и бросилъ посохъ, который имѣлъ въ рукахъ, сорвалъ тряпье, которыми были обложены чресла его; и сталъ онъ голый предъ царемъ и гнѣвно проговорилъ: «Я легко оставлю сей посохъ и тряпье, и не боюсь пути монаховъ, ибо нѣтъ жизни тяжелѣе моей, ибо ничего у меня нѣтъ въ этомъ мірѣ, кромѣ земли, по которой я ползу, и зелени, которою я питаюсь».

Но когда царь услышалъ эти слова, онъ отчаялся и позналъ безсиліе ихъ вѣры, и задумалъ исповѣдать Бога Единого; когда онъ объ этомъ подумалъ, изо рта его вышло зловоніе, и припомнился ему вкусъ сего міра, и ослѣпла

1) Въ рукописяхъ это имя дальше пишется Тедамъ.

2) С «Принести жертву идоламъ», — Д «Исполнить праздникъ «керона» (зг^са^са^са^с): быть можетъ, кероніа керона есть описка вм. керѣава идоловъ.

3) С «Юношѣ».

4) С «Природѣ».

5) А и В «Прежде я съ нимъ раздѣлялся (досл. далъ отвѣтъ) и теперь я сюда пришелъ».

его привычка и сказалъ онъ Тедамису: «Какимъ средствомъ возможно обращеніе моего сына?»

А онъ сказалъ: «Слышалъ я про одного царя, который имѣлъ сына; и сказали врачи: «Если до десяти лѣтъ этотъ ребенокъ увидитъ солнце, онъ ослѣпнетъ (досл. лишится свѣта очей). Царь вырылъ ему пещеру и посадилъ этого ребенка туда; а спустя десять лѣтъ онъ приказалъ вывести ребенка оттуда; и приказалъ царь поставить его предъ собой, чтобы онъ зналъ все, что увидитъ. А ребенокъ спрашивалъ названіе каждаго [предмета]. Онъ увидѣлъ и женщинъ, воспламенился любовью и спросилъ: «Что это такое?»

А ему сказали: «Діаволы, которые губятъ людей.»

Но ребенокъ сказалъ: «Я ничего не видѣлъ прекраснѣе и милѣе тѣхъ діаволовъ».

И такъ, царь, ты тоже отыщи женщинъ, дабы онѣ возбуждали его и дабы онъ обратился, потому что съ ними онъ забудетъ вѣчность и будетъ принадлежать міру.

А у царя была прекрасно сложенная дѣвица, царица, взятая въ плѣнъ, и другіе дѣвы, поющія и играющія на арфѣ (досл. на чангѣ); и онъ призвалъ всѣхъ и сказалъ имъ: «Знайте по истинѣ, кто изъ васъ возбуждитъ похоть въ сынѣ моемъ и доведетъ [его] до плотскихъ желаній, большими подарками одарю я ее и сдѣлаю женой сына моего, и ей будетъ дарованъ санъ царицы».

И приказалъ онъ, чтобы всѣхъ служящихъ юношей, которые были у его сына, смѣстили бы и на ихъ мѣсто назначили тѣхъ красивыхъ женщинъ. Когда это устроили, каждая изъ нихъ старалась соблазнить Иодасафа, и плясали передъ нимъ и воспѣвали его на свирѣли и на арфѣ ¹⁾.

Но когда у него возбуждалась похоть, онъ зажигалъ свѣчу и подносилъ [къ пей] палецъ; когда палецъ становился горячимъ, онъ отнималъ и говорилъ: «О, несчастный Балаваръ, если ты не можешь выдержать теперь огня, тобой же возжеженного, который можно вновь потушить, какъ же ты выдержишь въ той жизни огонь неугасимый и какъ ты вынесешь тьму кромѣшную. И такъ воздержись отъ зла и грѣха».

Такъ онъ боролся съ похотями; а царицу, взятую въ плѣнъ, онъ очень любилъ за ея мудрость и благоразуміе; и училъ онъ ее вѣрѣ Христовой. Но

1) В и Д добавляютъ: «Иногда онѣ начинали ласкаться къ нему и помню его воли возбуждали сердце его къ похотямъ, и сами онѣ совершали много неприличныхъ [дѣйствій], дабы онъ видѣлъ, научился и самъ также поступилъ. А онъ полный ума чувствовалъ стыдъ и инстинктомъ видѣлъ, что это дѣло нехорошее; и потому мучился онъ отъ страсти и ни на чемъ не могъ утвердиться; затѣмъ онъ нашелъ такое средство»..

она сказала: «Царевичъ, если ты хочешь обратитъ меня въ свою вѣру, исполний въ продолженіи одного года мою волю».

А онъ сказалъ: «Если я не переживу и меня постигнетъ смерть, что будетъ тогда мнѣ въ утѣшеніе?» Женщина сказала: «То, что ты меня сдѣлаешь благочестивой, и за это тебѣ будетъ награда».

Иодасафъ сказалъ: «Это такъ, но я не приму благодати терпѣнія, подобно тому, какъ святые вытерпѣли и заглушили огонь плотскій, и также боюсь, какъ бы привычка къ похоти не увлекла меня и на другое дѣло и страсть не овладѣла мной и повергла въ погибель, и не оказался бы я врагомъ Бога Моего и другомъ діаволовъ».

И сказала та женщина: «Соединяйся со мной въ продолженіе одного мѣсяца, или одной ночи, и я исполню всякую волю твою; а столь малая страсть не повредитъ тебѣ, потому что ты меня заблудшую обратишь»¹⁾.

И Иодасафъ склонился на желаніе дѣвицы по той причинѣ, чтобы спасти ее, а также [потому, что] похоти душиали его. И когда онъ былъ въ похоти²⁾, онъ заснулъ и молился Богу, чтобы Онъ сообщалъ ему, что лучше; и увидѣлъ онъ во снѣ множество удовольствій райскихъ, позолоченныя церкви, такъ что въ этомъ мірѣ не было подобныхъ; и сказали ангелы, которые сопровождали его: «Это—мѣсто упокоенія святыхъ». И повели также его въ адъ; и увидѣлъ онъ страшныя мученія въ немъ, и сказали: «Это воздаяніе грѣшнымъ». Когда онъ проснулся, онъ разсматривалъ въ умѣ ту прелесть рай и горечь ада, и дивился величію Бога и прославлялъ Его милости, Который не допустилъ повергнуть его въ грѣховную пропасть, и изгналъ всѣхъ тѣхъ женщинъ изъ своего дворца.

Когда его отецъ узналъ объ этомъ, онъ пришелъ къ нему и спросилъ, что

1) В и Д добавляютъ: «При этихъ словахъ она приблизилась къ нему и сказала: «Царевичъ, въ этомъ нѣтъ ничего труднаго и такъ лучше [поступить], да и я буду христіанкой». Сказалъ Иодасафъ: «Возлюбленная, ты знаешь, что я очень люблю и желаю [исполнить] волю твою, но лучше раньше исповѣдать тебѣ Иисуса Христа и увѣровать, а затѣмъ да будетъ по волѣ твоей». Отвѣтила дѣвица: «Я задыхаюсь отъ страстей и сгораю отъ огня желаній и мнѣ недосугъ, но только исполни волю мою, соединишь со мной и потуши огонь, и когда успокоится разумъ мой, тогда исповѣдаю».

2) В и Д ... Заснулъ онъ въ мученіяхъ и увидѣлъ во снѣ страшное видѣніе: прекрасныя золоченыя дома и блестящія церкви, подобныхъ которымъ видѣть человѣческому глазу не возможно; и говорили ангелы, которые сопровождали: «Это упокоеніе святыхъ». И повели его также въ другое отвратительное мѣсто, полное огня и сѣры и всякой вони; и увидѣлъ онъ себя, и что дѣвицы связывали его и тащили туда, и ангелы помогали ему и не пускали и когда онъ имѣлъ это видѣніе, онъ встрепетулъ и пришелъ въ себя; и славилъ милости Бога, Который не далъ ему упасть въ грѣховную пропасть, и схватилъ онъ руку дѣвицы и сказалъ: «я не дамъ тебѣ себя вытаскать; но я первый вытащу [тебя] изъ дома моего; и изгналъ и удалилъ всѣхъ женщинъ изъ дворца своего».

онъ видѣлъ. А онъ разсказалъ, что онъ видѣлъ, и со слезами умолялъ отпустить его въ пустыню.

И когда царь услышалъ эти слова, онъ исполнился гнѣва и безпокойства и сказалъ: «Большее зло не можетъ постичь меня, ибо, если какой-либо великій царь, или врагъ собирался бы отнять у меня сына, я не допустилъ бы этого живымъ, а теперь я боюсь, какъ бы этотъ юноша не бѣжалъ въ пустыню и не началъ бы ходить къ пустыннымъ; какъ бы кто-нибудь изъ моихъ враговъ не убилъ прелестнаго плода чрева моего и я не былъ бы посмѣшникомъ враговъ; и кто утѣшитъ тогда меня въ томъ дѣлѣ, которымъ я обезпокоенъ и которое сильно мучаетъ меня?»

Тогда сказали именитые его: «Не слѣдуетъ такой плодъ отпускать изъ твоего царства; если ты дашь часть твоего царства, мы опасаемся, какъ бы не было распаденія царства твоего».

Они продолжали еще разсуждать объ этомъ предметѣ, и порѣшили царь и всѣ эриставы дать полцарства Иудасафу и сказали царю: «Если онъ возьмется за мірское дѣло, тогда и похоть приманитъ его». Но Иудасафъ захотѣлъ царствовать, съ умысломъ, именно для того, чтобы онъ могъ оживить вѣру, которую убилъ отецъ его; и сказалъ царь Иудасафу: «Сынъ мой, не таково было упованіе мое на тебя, а ты разбилъ мою надежду и выказалъ сопротивленіе мнѣ; но меня влечетъ къ тебѣ родительское чувство радости о сынѣ, а ты не безпокоишься обо мнѣ такъ, какъ я о тебѣ, и я знаю, что я самъ ¹⁾ навлекъ на себя этотъ позоръ. Вотъ я исполняю волю твою, ибо всѣми родителями руководить любовь къ дѣтямъ, такъ какъ они подчиняются волѣ дѣтей. Итакъ, я ставлю тебя царемъ надъ половиною моего царства; самъ управляй, какъ угодно тебѣ, чтобы не радовались враги мои моему [несчастью], чтобы я не лишился вовсе черезъ тебя потомства, и чтобы разлука съ тобой не послала мнѣ смерть раньше, чѣмъ смерть сама постигла бы меня. Но если ты со своимъ царствомъ хорошо сживешься, душа моя не будетъ вполне лишена тебя, и да будетъ миръ съ тобою».

Иудасафъ сказалъ: «Я приму во вниманіе твои слова, но Богъ да успокоитъ и я тебя доведу до лучшаго, но сердце вовсе не тянетъ къ мірскому величію, и мнѣ кажется наилучшимъ, если тыпустишь меня; если ты будешь огорченъ разлукой со мной, то я послушаюсь твоего приказанія, дабы не погибла моя душа; а я и за то безпокоюсь, что воспротивился повелѣнію твоему; и не то, чтобы я желалъ послушаться тебя, но я видѣлъ гибель души моей; теперь я приѣмлю приказаніе твое не изъ любви къ царствію, но ради повиновенія тебѣ приѣмлю приказаніе твое».

1) С «Ты самъ».

И царь очень обрадовался, когда услышалъ эти слова отъ своего сына; и приказалъ онъ послать глашатая и позвалъ всѣхъ своихъ эриставовъ; и когда они собрались, онъ приказалъ поставить тронъ для своего сына, и обратился къ народу и сказалъ: «Мы всѣ будемъ пребывать въ нашей вѣрѣ и законѣ, котораго мы держимся и который мы избрали; этотъ сынъ мой хочетъ быть въ законѣ вѣры отцовъ нашихъ; не родовое ли [чувство] привлекло его? Вы всѣ знаете поступокъ этого юноши, какъ онъ воспротивился нашему приказанію, да и сказать въ отвѣтъ ничего не могу, ибо и мы возстали противъ вѣры нашихъ отцовъ; итакъ, теперь повелѣвается мною: да дамъ я ему половину царства нашего и сокровищницы; да владѣетъ онъ, [исповѣдуя] какую ему угодно вѣру».

Всѣ похвалили рѣшеніе царя и повиновались приказанію его; и прославляли намѣреніе его; и собраніе разошлось.

Иодасафъ пришелъ въ свой дворецъ, величаемый, восхваляемый и съ большимъ почетомъ; но были нѣкоторые изъ христіанъ, которые тайли вѣру [свою]; всѣ они приходили къ нему, кланялись и благословляли его побѣду, сообщили ему о своей вѣрѣ и приготовились уйти вмѣстѣ съ нимъ въ его царство; когда Иодасафъ уходилъ въ свое царство, онъ пришелъ къ отцу своему для прощанія и чтобы онъ отпустилъ всѣхъ, которые имъ были заключены въ темницѣ. Онъ послушался и приказалъ освободить всѣхъ заключенныхъ; и царь взялъ царскую корону и возложилъ на голову его; и далъ ему многочисленныя драгоценности, и пожелалъ ему побѣды; онъ отправилъ его въ царство его, которое назначилъ ему; и когда онъ достигъ [царства своего], многочисленныя драгоценности раздѣлилъ онъ между нищими и немущими. Затѣмъ онъ обратился къ народу и сказалъ: «Никому такъ не должно идти по пути справедливости, какъ царю, ибо должно спокойно и милостиво управлять своимъ царствомъ; и если будетъ угодно Богу, я тоже буду править царствомъ судомъ правымъ».

Золотые и серебряные сосуды, которые далъ ему отецъ для употребленія, онъ приказалъ распродать въ чужой странѣ и деньги раздѣлить между бѣдными своей страны. И приказалъ онъ эристамъ своимъ, чтобы они творили судъ вдовамъ и сиротамъ и поступали справедливо со всѣми; онъ воздвигъ и построилъ разрушенныя церкви и поставилъ священниковъ и діаконовъ, представилъ къ нимъ въ качествѣ пастырей епископовъ; и обогатились всѣ бѣдняки, и ни одного бѣдняка нельзя было найти въ его странѣ, который просилъ бы подаянія (досл. благотворительности). И приходили идолослужители и крестились; умножилось благо и христіанство въ странѣ Иодасафа; и всѣ единогласно величали Бога, Подателя всякаго блага, и радовались всѣ.

Но когда увидѣлъ отецъ его, что царство его уменьшается и богатѣеть царство сына его, то ему стало тяжело, и былъ онъ въ большомъ безпокойствѣ; а молва о немъ (т. е. о сынѣ) разнеслась по всѣмъ странамъ, и со всѣхъ сторонъ собралось множество вѣрующихъ; и приказалъ онъ (Иодасафъ) касательно всѣхъ священниковъ, чтобы никто не имѣлъ власти надъ ними, кромѣ Бога, и держалъ онъ всѣхъ въ большомъ почетѣ и церкви всѣ въ божескомъ почетѣ. Но однажды царь Іабенесъ отправилъ мужей-идолопоклонниковъ къ сыну своему, чтобы они узнали о дѣлѣ и поступкахъ сына его; и когда они пришли во дворецъ, вышелъ онъ имъ на встрѣчу, какъ къ возлюбленнымъ братьямъ, и съ большимъ уваженіемъ освѣдомился и принялъ ихъ милоею въ гости, преподнесъ большіе подарки и призывалъ ихъ къ благочестію.

Но они сказали: «Царевичъ, что же ты думаешь о насъ—о прежнихъ дѣяніяхъ нашихъ, которыя мы совершили по приказанію отца твоего, и о томъ, что много крови мы пролили?»

Сказалъ Іодасафъ: «Какъ оставите вы вашу вѣру, тѣмъ же самымъ вы покинете сомнѣніе, которое у васъ объ этомъ предметѣ; и какъ вступите въ вѣру Божью, вы войдете въ спокойствіе и радость вѣчную, такъ какъ Богъ Нашъ—Богъ мира и любви, и нѣтъ у Него мести, ибо Онъ ласковъ, человеколюбецъ и милосердъ; и грѣшнымъ не смерти онъ желаетъ, но обращенія и раскаянія».

И возвратились тѣ мужи къ царю и сообщили все, что слышали и видѣли. А царь и весь народъ рѣшили слѣдовать вѣрѣ Іодасафовой и принять законъ его, и написали письмо¹⁾ относительно этого; и какъ только прибылъ вѣстникъ, и онъ прочелъ [письмо], онъ весьма возрадовался и большой почетъ

1) Въ В и Д приведено само письмо [Сбоку, на полѣ, вѣ. Д замѣтка: Іабенесъ пишетъ сыну своему]: «Іабенесъ царь тебѣ, возлюбленному сыну моему и царю, собрату; радуйся, Іодасафъ. Пришли мужи, которыхъ я отправилъ узнать вѣсти о тебѣ, какъ ты живешь; и слухъ о благовоспитанности твоей, что принималъ ихъ ты съ большимъ почетомъ (досл. подаркомъ), обрадовалъ меня; и подвизаешься ты ради вѣры Христовой и весь свой трудъ употребляешь на это. Когда все это мы узрѣли, гордость (досл. величіе) наша, мы [Д «и вельможи наши»], восхотѣли послѣдовать за тобой, если ты приморишь насъ, такихъ оскорбителей религіи; ибо родительская любовь къ тебѣ не покидаетъ меня, но напротивъ всегда плечетъ меня подъ ярмо воли твоей. Теперь пишу объ этомъ, чтобы ты по правдѣ возвѣстилъ мнѣ, какимъ образомъ совершить, дабы не расторглось любовное единеніе наше, о ты, корона отца твоего; ибо какъ мы думаемъ, идоламъ не слѣдуетъ поклоняться, какъ Богу, ибо ни въ чемъ они не могутъ помочь человеку, разъ сами они изваяны рукой человеческой, и я рѣшилъ съ легкимъ [сердцемъ] сжечь ихъ, когда твое письмо ко мнѣ получится. Писано это въ первую луну, дабы ты скоро возвѣстилъ мнѣ объ этомъ. Царю Іодасафу, великому вѣнценосцу и благочестивому, миръ тебѣ, радуйся». — Текстъ письма Такайшвили издалъ по Д.

оказалъ вѣстникамъ; и отослалъ ихъ, далъ имъ большіе подарки ¹⁾ и написалъ своему отцу такъ:

«Великому и вѣрующему царю и во благо изъязвившему покорность Богу. Царь, я, рабъ и убогій, Иодасафъ привѣтствую тебя во Христѣ.

Но ²⁾ благодарю Бога Нашего, Который не лишилъ меня моего желанія и удостоилъ меня видѣть истинное царствованіе твое, ибо теперь-то ты сдѣлался царемъ, а до этого ты былъ рабомъ діаволовъ, о возлюбленный отецъ; теперь велики благодать и щедроты твоя ко мнѣ, а благодѣянія чрезвычайны, но ты больше и сильнѣе возрадовалъ душу мою, ибо все то, что ты далъ мнѣ, было ничто въ глазахъ моихъ, ибо душа моя сгорала отъ гибели души твоей; а теперь, благодаря исповѣданію тобой Бога просвѣтилась душа моя и разумъ, ибо я теперь сталъ сыномъ вѣрующаго царя; и благословенъ Богъ Нашъ, Который просвѣтилъ твои духовныя очи. Умоляю тебя разрушить храмы идоловъ и сжечь всѣхъ истукановъ, чтобы ты, сжегши ихъ, примирился съ Богомъ, точно такъ, какъ впервые сжиганіемъ людей благочестивыхъ ты разгнѣвалъ Бога. Когда ты это сдѣлаешь, тогда ты разрушишь стѣну и ограду вражескую и получишь истинное утѣшеніе отъ Бога, и Богъ мира да будетъ съ вами во вѣки, аминь».

Когда письмо это дошло, царь всталъ и весь народъ съ нимъ; и разрушили они всѣ капища и сожгли огнемъ. И пошелъ царь и весь народъ съ нимъ въ царство сына его. Когда Иодасафъ услышалъ объ ихъ приходѣ, онъ вышелъ на встрѣчу съ великой радостью; и палъ онъ ницъ передъ отцемъ своимъ и привѣтствовали они другъ друга; пошли во дворецъ и устроили большой пиръ.

Иодасафъ поднесъ большіе дары царю, эриставамъ его и всему народу. Спустя три дня онъ приказалъ священникамъ и пастырямъ, чтобы они крестили царя Іабенеса, весь народъ и эриставовъ. И отправляясь въ царство его (Іабенеса), онъ (Иодасафъ) взялъ съ собой епископовъ, священниковъ и діаконъ.

А Іабенесъ царь приказалъ всему царству своему построить церковь; и крестился весь народъ и было большое спокойствіе и миръ въ ихъ царствахъ, и всѣ прославляли Бога, Которому подобаетъ слава.

Спустя нѣкоторое время царь Іабенесъ заболѣлъ, и призвалъ сына своего, и передалъ ему все свое царство въ руки; благословлялъ и изъяслялъ ему благодареніе за то, что онъ удостоилъ [его] свѣта Христа Бога, и говорилъ: «Сынъ возлюбленный и желанный, я готовлюсь уйти изъ этого міра и сильно страдаю и мучаюсь».

1) В и Д «Такъ что каждому изъ нихъ далъ сто вѣсовъ серебра и золота отъ радости, которая постигла его».

2) С «Во первыхъ».

И Иодасафъ сказалъ: «Не сокрушайся, возлюбленный отецъ, ибо ты позналъ Господа Христа и крестился благодатию Его; и теперь тебѣ слѣдуетъ радоваться, ибо ты идешь къ Богу въ мѣсто вѣчнаго покоя».

Иабенесъ отвѣтилъ: «Не виня, сынъ, за то, что я сокрушаюсь, ибо естественно всякой душѣ страдать о разлукѣ съ плотью, оставленіи воздуха и свѣта ¹⁾, объ отправленіи на чужбину, гдѣ, не зная, какимъ стѣсненіямъ подвергнемся; я еще потому боюсь, что очень прогнѣвалъ Бога, Творца Моего, ибо я перебилъ многихъ святыхъ, которые теперь будутъ мстить мнѣ; а также потому, что во всѣ дни жизни моей я хулилъ Истиннаго Бога и величалъ и славословилъ идоловъ; и нѣтъ никакого блага у меня передъ Богомъ, такъ какъ и время раскаянія моего сокращается».

Иодасафъ въ отвѣтъ сказалъ: «Не безпокойся, царь, но радуйся, ибо идешь ко Господу Благому и Многомилостивому, Который [рабочему] одиннадцатаго часа даетъ плату равную съ [платой рабочаго] перваго часа, такъ какъ неистощимы милости Божьи, и судить Онъ не подобно людямъ, ибо милости Его — превыше (милостей) сего міра, полнаго грѣховъ; затѣмъ, свѣтъ и воздухъ сего міра не равенъ свѣту и воздуху Его славы, которой удостоятся вѣрующіе; и такъ какъ никто не можетъ [облачиться] въ одежду нетлѣнную, пока онъ не подвергнется тлѣнію плоти; и знай, что малое раскаяніе одолѣетъ множество прегрѣшеній, ибо распространитъ Богъ милости на боящихся Его».

Тогда ободрился царь, и обрѣлъ онъ утѣшеніе отъ этихъ словъ и избавилась душа его отъ этого безпокойства, и сказалъ онъ: «Да одаритъ тебя Богъ, сынъ мой, высшими благами воздаяніями Своими превыше упованія твоего, ибо я былъ погябшимъ и ты обрѣлъ меня, былъ плѣнникомъ и ты освободилъ меня, былъ врагомъ и ты примирилъ меня съ Богомъ. Теперь заповѣдую тебѣ: во благѣ шествуй передъ Богомъ и угодникомъ Его окончи дни свои, и да не отвратятъ тебя величіе царствованія отъ любви къ Богу, такъ какъ все это призрачно и преходяще. Гдѣ теперь страшный ужасъ моего царствованія, множество народа и крѣпость молодцоватыхъ моихъ всадниковъ, или неисчислимые мои богатства, которыя я скопилъ для себя, чтобы они явились и избавили меня отъ похищающихъ меня? Теперь, сынъ мой, я и самъ наставляю тебя, какъ ты наставлялъ меня, и вразумляю, какъ и ты вразумлялъ меня, чтобы ты презрѣлъ міръ и все, что въ мірѣ; обрѣти только Бога и въ молитвахъ своихъ поминай меня, сынъ мой!» и когда онъ сказалъ это, онъ узрѣлъ блестящихъ ангеловъ, перекрестился и испустилъ духъ.

1) С «Міра сего и своихъ [родныхъ]»...

Но царевичъ Іудасафъ похоронилъ тѣло его, какъ тѣло простолюдина; и простеръ онъ руки свои къ небу, поднялъ глаза и сказалъ: «Благодарю Тебя, Господи Боже Мой, Царь славы, Который обратилъ раба Своего заблудшаго и не погубилъ его въ мученіяхъ адскихъ и удостоилъ свѣта лика Своего; прими, Господи, и обласкай сего, какъ ненасытнаго (?) того сына и упокой душу его среди праведниковъ и святыхъ, и не вспоминай вреда (досл. вины), который онъ причинилъ святымъ Твоимъ, ибо Ты милостивъ и всемогущъ».

Сорокъ дней стоялъ онъ на могилѣ и подобныя [молитвы] возносилъ со слезами къ Богу. Послѣ этого онъ призвалъ всѣхъ архіереевъ, іереевъ и діаконовъ, и большія драгоценности раздѣлил между ними и заповѣдалъ жертвоприношенія и молитвы по Іабенесѣ царѣ; такимъ же образомъ роздалъ онъ нищимъ, вдовамъ и сиротамъ; и возсѣлъ на тронъ свой и приказалъ вельможамъ возсѣсть вмѣстѣ съ нимъ и сказалъ: «Вотъ почилъ отецъ нашъ, царь Іабенесъ, какъ одинъ изъ убогихъ, и никто не могъ помочь ему и избавить его отъ рукъ смерти; и день этотъ каждому изъ насъ предстоитъ; вы знаете, каково было мое желаніе, но я не могъ воспротивиться отцу своему, и теперь нѣтъ у меня причинъ [мѣшающей исполненію] моего обѣта Богу, дабы присоединиться къ числу монаховъ и взяться усердно за ихъ образъ жизни. А вы для себя выберите царя, который руководилъ бы вами по волѣ Божьей; и вотъ силой Христа нѣтъ [у насъ] никакого врага и противника, и въ мирѣ успокоено царство наше».

Когда тѣ услышали эти слова, они встали и всѣ въ одинъ голосъ сказали: «Да не будетъ, царь, этого и не совершится это до тѣхъ поръ, пока всѣ не умремъ».

Тогда стали они возвышать голоса, такъ что даже начиналось смѣтеніе. Но Іудасафъ, когда увидѣлъ, что они не позволяютъ ему, призвалъ Баракію, о которомъ мы упоминали прежде, что онъ былъ помощникомъ Накора въ тотъ день, когда царь давалъ отвѣтъ (т. е. во время преній); и былъ онъ родственникомъ Іудасафа и сказалъ [ему Іудасафъ]: «Родственникъ необходимъ въ дни несчастій человѣку; прими письмо мое къ народу и правителямъ моимъ о воцареніи твоёмъ; а я хочу выйти къ братьямъ и вмѣстѣ съ ними быть рабомъ Христа».

Баракія отвѣтилъ: «Не по справедливости рѣшилъ ты, царь, ибо пласано есть: «Возлюбилъ ближняго твоего, какъ самого себя»; между тѣмъ ты избираешь для себя лучшее, а мнѣ желаешь погибели. Но, если покидать міръ и искать вѣчности лучше, иди, выйдемъ оба вмѣстѣ».

Когда онъ услышалъ эти слова отъ Баракіи, справедливость [сказаннаго] стала ясна для него и онъ не возражалъ.

Въ одну ночь написалъ онъ такъ собственноручное письмо¹⁾ къ начальникамъ и народу, что Баракии подобаеъ царствовать; и онъ оставилъ письмо [это] на своей постели, всталъ, обвязалъ чресла свои трипьемъ, которое онъ получилъ отъ Балавара, и тайкомъ вышелъ. Но Баракия узналъ, далъ знать другимъ князьямъ и сообщилъ; а они моментально погнались въ догону, поймали его, привели и сказали: «Если ты оставишь такое множество народу безъ вожда, развѣ не съ тебя взыщется за столько душъ, сколько въ семь царствѣ твоемъ, если случатся сраженія и волненія, или вновь обратятся къ идоламъ?»

Но онъ сказалъ: «Уста праведныя говорятъ: «Что пользы челоуѣку приобрѣсть весь міръ, а душу свою погубить, или наказать. — Знайте, я непременно уйду къ возлюбленнымъ Богомъ, а вы ищите для себя царя».

Тогда они возложили руки на Баракию, чтобы сдѣлать его царемъ; но онъ началъ плакать и не хотѣлъ дѣлать того, но не могъ противиться народу, въ особенности Иудасафу. Иудасафъ снялъ кольцо, надѣлъ на палецъ Баракии, и возложилъ вѣнецъ на голову и поздравилъ его съ царскимъ достоинствомъ, поднялъ руки къ небу и сказалъ: «Благословенъ еси, Господи, Который избавилъ меня, недостойнаго раба Твоего, и довелъ до познанія Твоего и не лишилъ душу мою обращенія моего отца; покажи нынѣ челоуѣколюбіе Свое и помоги Баракии, брату моему, дабы онъ достойно и въ угожденіи Тебѣ шествовалъ передъ Тобой и всѣмъ народомъ».

И когда онъ много помолился Богу такимъ образомъ онъ поднялъ руки свои съ плечъ Баракии, потомъ повернулся къ Баракии и сказалъ:

«Возвѣщаю тебѣ и даю заповѣдь передъ Богомъ и передъ всѣмъ народомъ—да не буду повиненъ я въ дѣлахъ твоихъ, ибо раньше меня ты позналъ Бога и подчинился Ему въ душѣ безмолвно; теперь подвизайся больше моего и покажи божественную свою добродѣтель. Ни о комъ не говори дурнаго и

1) Въ В и Д вмѣсто нижеслѣдующей краткой передачи содержанія письма, приведенъ самый текстъ: «Всѣмъ вельможамъ, эристамъ, дворянамъ и народу, царь и братъ младшій вашъ, убогіи Иудасафъ,—во Господѣ радуйтесь. Всѣ вѣдайте, что ничего я въ сердцѣ не созналъ, какъ то, чтобы я себя представилъ Господу моему; и такъ какъ я подвизался и для васъ, какъ надлежало, и милостію Божьей вы избавлены отъ ярма діавола, и я, сынъ *Бои* [יְהוֹשָׁפָטַב; можетъ быть, надо прочесть יְהוֹשָׁפָטַב, тогда будемъ имѣть: *клянусь Сыномъ Бои*] пишу вамъ, чтобы поминали меня недостойнаго и во благѣ подвизались ради самихъ себя и церкви, почитали бы священниковъ, монаховъ любили бы, къ чужеземцамъ и бѣднякамъ относились бы милостиво и церквамъ давали должное; и, какъ уйду я, не увидите вы лица моего во плоти, но духовно; я упрошу Царя Небеснаго, чтобы всѣ мы удостоились зрѣть другъ друга въ царствіи [небесномъ]; и оставляю намѣстника моего Баракию, ибо ему подобаеъ царствовать, такъ какъ онъ челоуѣкъ энергичный и разумный, и испытанный въ дѣлахъ государственныхъ, благочестивый, и достойный, и уважающій всѣхъ; слушайтесь подобающе и будьте въ мирѣ». И оставилъ это письмо Иудасафъ на своей постели».

не обольщайся въ разумѣ славой твоего престола; не уповай на чью либо помощь, кромѣ Божьей; не принимай приношенія отъ несправедливаго, и не радуйся бѣдѣ врага; пусть не поражается разумъ твой гнѣвомъ; не смотри ни на кого взоромъ гнѣвнымъ; не воздавай изъ-за себя никому зла, только изъ-за Бога; не отпускай съ пустыми руками бѣдняка. Это заповѣдую я, и если ты преступишь, Богъ да будетъ воздателемъ тебѣ, ибо Онъ начало и конецъ всякаго дѣла; будь для всѣхъ людей такимъ, какимъ ты желаешь, чтобы они были по отношенію къ тебѣ; ибо тотъ другъ добрый, который пріобрѣтается не стекломъ¹⁾, а испытаніемъ. А у любви нѣтъ границъ, ибо для глаза нуженъ глазъ: онъ (глазъ) все видитъ, себя только не видитъ; а если недобрый духъ придетъ къ тебѣ и будетъ призывать тебя, скажи ему, что это всѣ узнали; и онъ пристыженный обратно уйдетъ; но если ты впадеши въ заблужденіе, призови знающаго человѣка, и онъ исцѣлитъ тебя отъ заблужденія».

Когда онъ окончилъ наставленіе, онъ всталъ, вновь завернулся въ одѣяніе, данное Балаваромъ, и поспѣшно ушелъ въ пустыню; всѣ, которые слышали молву о немъ, удивлялись ему, и всѣ со слезами величали Бога.

Но Богъ тѣмъ испыталъ разумъ его, что спустя два года показалъ одному изъ нихъ пастыря Балавара; и какъ завидѣли они другъ друга, обнялись, обласкали другъ друга, и плакали и цѣловались.

И когда они сѣли, Іодасафъ разсказалъ все случившееся. А онъ благодарилъ Бога, Который сдѣлалъ плодоноснымъ сѣмя, посѣянное имъ въ землю добрую.

Но Балаваръ возвѣстилъ ему о томъ, что онъ разстается съ плотью; а Іодасафъ сталъ вновь плакать, и говорилъ: «Не покидай, отецъ духовный, меня, сына заблудшаго».

Но онъ ему говорилъ: «Не безпокойся, сынъ мой, ибо я взмолюсь ко Господу, чтобы Онъ скоро привелъ тебя въ мѣсто упокоенія, которое ты видѣлъ». И при этихъ словахъ ликъ его (Балавара) просіялъ, и онъ почилъ.

Но Іодасафъ тѣло святого отца нашего Балавара положилъ въ ту пещеру, въ которой самъ находился; впалъ онъ въ большое горе, и когда задремалъ, увидѣлъ во снѣ какихъ-то свѣтлыхъ мужей; и были у нихъ вѣнцы украшены карбункулами и камнями, и говорили они: «Эти вѣнцы для тѣхъ, которыхъ ты своимъ ученіемъ привлекъ къ Богу». Были у нихъ еще два блестящихъ вѣнца, и сказалъ ему [одинъ изъ мужей]: «Одинъ изъ этихъ —

1) ? Въ текстѣ слово ἡ γὰρ, обыкновенное значеніе котораго — *стекло, стаканъ* здѣсь не подходитъ; вар. Δ даетъ чтеніе ἡ γὰρ, что уже ничего не значить. Съ этого слова вилоть до конца періода текстъ, по видимому, испорченъ.

тебѣ за тѣ подвиги которые ты взялъ на себя, и другой для твоего отца, ибо онъ обратился къ Богу».

Иодасафъ отвѣтилъ: «Какъ равнять того, который немного покался, съ подвижникомъ?»

Тогда явился ему Балаваръ и сказалъ: «Вспомни, царевичъ, когда я говорилъ, что лишь только ты разбогатѣешь, ты не захочешь дать подаянія ближнему, вотъ и теперь жалѣешь для твоего отца».

И проснулся Иодасафъ и засіялъ ¹⁾ и укрѣпился душевно; а черезъ незначительное время почилъ и Иодасафъ. Былъ близъ нихъ одинъ изъ пустынниковъ; онъ пришелъ и положилъ тѣло это съ тѣломъ Балавара: и пошелъ къ царю Баракии и рассказалъ объ этомъ происшествіи. А онъ отправился съ народомъ, епископами и священниками, и они понесли святыя мощи Иодасафа и Балавара; и предалъ онъ [ихъ] погребенію въ золотой ракъ, и съ большимъ почетомъ украсилъ, [ихъ] и надъ ними построилъ церковь во имя Отца и Сына и Святаго Духа, Которому подобаетъ слава во вѣки вѣковъ.

И тѣ, которые съ вѣрой приходятъ [къ могилѣ] до сего дня, исцѣляются отъ всякихъ болѣзней; будемъ просить Бога, чтобы ихъ молитвами и мы избавились отъ вѣчнаго страданія. Возвеличимъ Бога, Которому подобаетъ слава, честь и поклоненіе нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь ²⁾.

1) С «Обрадовался».

2) В и Д добавляют «[Такъ] былъ побѣжденъ сильный и былъ поправъ змій злой милостью Единосущнаго».

И. Джаваховъ.